

Арина
Арская

ПРЕДАТЕЛЬ

Я ЖЕЛАЮ ТЕБЕ СЧАСТЬЯ С ДРУГОЙ

Арина Арская

Предатель. Я желаю тебе счастья с другой

<https://litres.ru/74294272>

Аннотация

— Она была рядом, — взгляд у мужа угрюмый и прямой, — когда тебя не было. Мне тяжело дышать. Мою грудь будто стянули стальными холодными кольцами. Еще чуть-чуть и треснут ребра от давления. — Я же не могла быть рядом, Миша... — каждое слово отдается в сердце глухим ударом боли. — Это не моя вина. — Я тебя ни в чем не обвиняю, — отвечает с холодной отстраненностью, — но я должен быть честным с тобой. Да, у меня другая женщина. — Как давно? — выдыхаю весь воздух и меня ведет в сторону под волной слабости. — Она уже была до моей операции? — Да, — коротко и жестоко отвечает Михаил.

Страшный диагноз, два года борьбы за мою жизнь, операция и больше года — кома. Я вернулась к жизни, но меня ждал удар за ударом. У мужа — другая женщина, а наши дети отвыкли от меня и при разводе выбрали папу.

Содержание

Глава 1. Исповедь любовницы	5
Глава 2. Ты боец, Надя	10
Глава 3. Разве мы еще есть?	15
Глава 4. Важный ужин	20
Глава 5. Я сделала тебе больно	25
Глава 6. Светлый лучик	30
Глава 7. Это конец	35
Глава 8. Но не будет мужа	40
Глава 9. Не хочу ее жалеть	46
Глава 10. Рыжая лисичка	50
Глава 11. О любви	55
Глава 12. На моих условиях	59
Глава 13. Какой ужас	63
Глава 14. Не ваше дело	67
Глава 15. Как человек	71
Глава 16. И ты подумай о наших детях	75
Глава 17. Ты сердисься	79
Глава 18. Все непросто	83
Глава 19. Да что ты знаешь	87
Глава 20. Воля к жизни	91
Глава 21. Дыхательная гимнастика	95
Глава 22. Тебе плохо с нами?	100
Глава 23. По моим правилам	104

Глава 24. Тебе не стыдно?	109
Глава 25. Лишь по документам жена	113
Глава 26. Я тебя не понимаю, мама	118
Глава 27. Чтобы оба боролись	123
Глава 28. Ответь на вопрос	128
Глава 29. Тебе надо научиться радоваться	133
Глава 30. Хитрая Лиса и Колючий Ёжик	138
Глава 31. Там нечего обсуждать	143
Глава 32. Принцесса	148
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Глава 1. Исповедь любовницы

— Мы любим друг друга... Если бы ты слышала меня сейчас, то поняла бы меня..

Но я слышу, пусть не могу пошевелить даже мизинцем.

Я слышу, и мне ни сбежать, ни заткнуть наглухо гостью, которая громко всхлипывает в темноте:

— Ты должна его отпустить... — замолкает и судорожно шепчет, — уйти...

Я не чувствую ни ног, ни рук, но в груди с каждым тихим ударом сердца растекается, как расплавленный свинец, боль.

— Я позабочусь о твоих детках, — вибрирует темнота, — я буду их любить... Я стану для них мамой... я обещаю, Надежда. Клянусь, поэтому ты можешь идти на облачка, милая. Не терзай ты сердце Миши. Он тебе всего себя отдал, он заслуживает быть счастливым...

Я чувствую, как из моей глотки тянется жесткая трубка, которая закачивает в мои легкие воздух.

Я пытаюсь захрипеть, чтобы дать невидимой гадине знак, что пора заткнуться, но ничего не происходит. Я вновь зави- саю в черной бездне пульсирующей точкой боли.

— Разве ты бы не хотела, чтобы Миша и твои дети были счастливыми? Милая...

Я чувствую теплую сухую ладонь на щеке, и оче дернуть- ся, но черная бездна не позволяет этого сделать.

— Твое время пришло, Надежда, — печальный выдох щекочет лоб. — Да и тебя уже давно с нами нет. От тебя осталась лишь оболочка. От красавицы Надежды ничего не осталось.

Но я тут.

Я тебя слышу, но мне никак не врываться из темноты и не посмотреть тебе в глаза с криком:

— Я живая! Я тут!

— Я виновата перед тобой. Я знаю, Надя, — шепот становится тише, — но Мише было тяжело с тобой. Когда мы встретились с ним, он... сам словно болел вместе с тобой. Да, я не должна была... но... мне жаль... — плачет, — я влюбилась... Только поэтому я крала у тебя Мишу, но теперь ты его крадешь у меня...

Я кричу, но моего крика неслышно.

Я согласна исчезнуть, но я все еще тут и чувствую на своем лице ожоги от слез той, которая решила облегчить сегодня душу.

— А потом операция, Надежда... и теперь ты просто лежишь... Это так страшно... Врачи говорят, что ты не вернешься к нам, и ты теперь наказание для Миши и для ваших детей. Для меня. Простишь ты меня?

Я не могу узнать этот голос. Он звучит словно из колодца искаженным эхом. Если бы я могла открыть глаза, но это простое движение, которое поднимает веки, кажется мне сейчас невозможной фантастикой.

— Ты должна подарить своим близким освобождение, Надюш. Теперь у них есть я.

А я?

Как же я?

Я ведь так боролась против болезни!

Мне было так больно каждый день, но я не отчаивалась. Даже тогда, когда не могла самостоятельно встать с кровати, а мой Миша...

Мой Миша, который обещал, что мы все преодолеем и что я обязательно буду здоровой и сильной, утешал свое тоску на стороне с другой женщиной?

И теперь эта женщина пришла ко мне исповедаться и просит, чтобы я ушла на облачка?

Они ждут моей смерти?

Я слышу шаги, затем скрип дверных петель, а после тишина. Затем она разлетается на осколки, когда раздается тихий и обеспокоенный голос Михаила, моего мужа:

— Что ты тут делаешь?

Я вновь кричу, но вновь мой рот, из которого торчит пластиковая трубка, на издает ни звука.

— Я хотела с ней поговорить, Миш, — отвечает моя гостья и опять всхлипывает. — Я так виновата перед ней. Я ночами плохо сплю...

— Прекрати, — голос Михаила становится мягче, — но приходить не стоило.

— Миш, — воет, — она же должна меня понять... она бы

нас поняла?

Михаил не отвечает.

Мою тьму режет белой нитью искра света. Я чувствую, как мои веки вздрагивают и приоткрываются.

Через тонкую щелочку я вижу размытые очертания: у изножья койки две тени. Одна жметя к другой. Я пытаюсь сфокусировать взгляд, но вновь проваливаюсь в темноту.

— Оставь меня с ней, — шепчет Михаил.

— Хорошо, — следует тихий и слезливый ответ. — Миш, я должна была прийти и попросить прощение.

Торопливой цокают каблукы, и вновь едва слышно скрипят петли.

Тишина. Тяжелая и холодная.

Матрас моей койки пружинит, и я слышу медленный мрачный выдох, а после мою ладонь накрывает мягкое и знакомое тепло.

Михаил сжимает мою руку и я, кажется, даже чувствую его темный и хмурый взгляд на моем лице.

— Как ты?

А мне больно, и эта боль не сравнится с той, которая плавила мой мозг при последних приступах перед операцией.

— Ты ведь все равно меня не слышишь, — невесело хмыкает Миша.

Убирает руку с моей ладони, и опять молчит. Целую вечность.

— Я живу дальше, Надя. И наши дети должны тоже жить

дальше, — вздыхает и выдерживает паузу, — им нужна мать. Нужна женщина в их жизни. Понимаешь? Я больше не вижу смысла скрывать то, что... Она была рядом, Надя. И хватает ей быть в тени. Я любил тебя. Я был счастлив с тобой... — пауза. — У нас замечательные дети. Но мы должны жить дальше. Я устал, Надя. И очень давно устал.

В очередной раз на меня давит тишина. Где-то в области груди. Моя душа бабочкой с оторванным крылом дергается в темноте под стук сердца, которое пропускает удар и ускоряется.

Меня оглушает писк, а после на меня обрушивается грохот и крики:

— Вам стоит выйти!

— Что происходит?

— Выведите его!

Мой правый мизинец на ноге пронзает боль, а потом я бью пяткой по матрасу.

Я не уйду на облачка.

Я обещала детям, что не сдамся и что после операции я и обниму крепко-крепко, а потом мы съедим по мороженому.

Я обещала Михаилу, что я борец.

— Держите ее! Держите ее руки! Да откуда столько сил?!

Глава 2. Ты боец, Надя

Глотка горит, перед глазами все расплывается, и я могу только мычать.

— Тише, ваши голосовые связки должны восстановиться, — говорит медсестра. — Вы столько времени с трубкой во рту пролежали. Тише, милая. Очнулась. Чудо-то какое.

Я сглатываю кислую слюну, которая отдает какой-то плесенью, и мне больно до тошноты. Прижимаю холодную ладонь к шее.

— Я должен увидеть мою жену!

Даже матрас подо мной вибрирует от громкого и разъяренного баса.

— Я вам за что бабки такие плачу?!

Шепоток и в палату, что размыта перед моими глазами в пятна, входит высокий, широкоплечий силуэт.

Пусть я не вижу лица, но я все равно узнаю Михаила.

— Послушайте, — начинает у моей кровати медсестра, — она еще дезориентирована.

— Вышла, — строго и напряженно командует Михаил.

Я пытаюсь сфокусироваться на Мише, но у меня ничего не выходит. Глаза слезятся и болят.

— Я пойду переговорю с доктором, — медсестра касается моей руки.

Шаги, скрип двери и вновь открываю глаза.

Михаил стоит у изножья кровати. Я чувствую его взгляд на лице.

— Надя, — обходит кровать и замирает надо мной, — ты очнулась.

Теперь я вижу его, будто он вынырнул из мутного омута. Его лицо стало еще резче, чем было. Скулы заострились, линия подбородка — четкая и даже, если так можно сказать, жесткая, а в глазах застыла мрачная тень.

В последний раз когда я его видела перед операцией, он улыбался мне и уверял, что откроет шампанское, когда я проснусь.

Шампанского нет.

Как и любви в его глазах.

Касается моего лица и хмурится. На его переносице пролегла глубокая морщина, как трещина в камне.

— Мы уже и не ждали того, что ты очнешься, — тихо проговаривает он.

Белый свет от люминесцентных ламп жжет глаза, и по щекам катятся слезы, которые Михаил смахивает теплыми сухими пальцами.

Слабость и дрожь в теле нарастает.

Последние два года перед операцией я была его ответственностью, обузой и долгом. Моя смерть могла бы быть для него освобождением, но я очнулась.

И очнулась я не энергичной козочкой. Мне потребуется долгая реабилитация и восстановление.

— Ты боец, Надя, — Михаил продолжает всматриваться в мои глаза. — Но, наверное, доктор прав, мне стоит заглянуть к тебе позже. Ты, похоже, еще не с нами.

Он хочет отступить от кровати, но я пытаюсь схватить его ладонь слабыми руками, которые не слушаются меня.

Я мычу, крихчу и через боль выдыхаю стоны:

— Де... ти... мои... де... ти...

— Сейчас ты их напугаешь, Надя, — приглаживает мои волосы, — но ты их обязательно увидишь, но пока... тебе надо все же хоть немного прийти в себя.

Я дергаюсь под тонким одеялом и издаю утробный клекот, которым требую немедленно привести ко мне дочь и сына, но Михаил тяжело вздыхает и отступает от кровати, а затем торопливо выходит из палаты.

Куда он?!

На меня накатывает вместе со слабостью холодная паника и страх, что я опять нырну в забытие и больше не увижу детей.

Откидываю дрожащей рукой тонкое одеяло. Со стоном сажусь и медленно опускаю босые ноги на ледяной кафель. Сильная дрожь пробирает до самых костей.

Я тут не останусь.

Я должна вернуться к детям. Я хочу их обнять, зарыться носом в их волосы и сделать глубокий вдох.

Оттолкнувшись тонкими и слабыми руками от поручней больничной койки, я встаю. Меня шатает из стороны в сто-

рону, и голова кружится. Глаза видят лишь блеклые и мутные пятна.

— Ми... ша... — шепчу я через спазмы боли в глотке, — где... дети...

Всего один шаг, и мои колени не выдерживают. С хрустом подгибаются, а мышцы в икрах пронзает судорогами.

Я падаю.

Цепляюсь за матрас койки.

Дверь палаты распахивается, и ко мне движется белая тень:

— Надежда, что вы творите?!

Распластавшись на холодном кафеле, я горько всхлипываю, когда слышу голос Михаила:

— Я помогу, — затем следует тяжелый вздох, — милая, ты в порядке?

Какой глупый и жестокий вопрос, и я даже не в силах на него ответить. Две пары рук аккуратно меня подхватывают, поднимают с пола и возвращают в кровать. Какая я жалкая. Я верила, что операция меня спасет, но нет. После нее я стала еще слабее и никчемнее.

Миша накрывает меня одеялом:

— Не стоило ее оставлять одну.

— Ей нужно время, — поясняет белая тень справа от размытой фигуры моего мужа. — Ее мозгу нужно время. И нам нужно время, Михаил. Впереди анализы, обследования...

— Ясно, — соглашается Михаил. — И если честно, я ду-

маю, что Надя не совсем понимает, что она очнулась.

— Спутанное сознание в нашей ситуации — норма. Должно пройти время.

Я хочу замыкать, но ничего не выходит. Силы иссякли, и меня тянет в липкую дремоту. Не хочу.

Я боюсь не проснуться.

— Вашей жене стоит отдохнуть, — вещает равнодушная белая тень, — и вам тоже. И пока не советую приводить детей на встречу... — небольшая пауза, — бывают спонтанные пробуждения, Михаил... я не хочу пугать, но...

— Понимаю, — тихо и холодно отвечает мой муж.

Я вернулась, мой милый, и я не позволю тьме вновь поглотить меня. И я слышала исповедь твоей новой женщины. Это был не бред и не сон.

Голову пробивает вспышка боли.

Я не забуду и твои слова, что ты устал и что ты живешь дальше с другой женщиной.

— Лида, надо вколоть успокоительное, — вещает белая тень. — Надо нашу спящую красавицу немного успокоить, а то мозг окончательно перегорит.

— Надюш, — ладонь Михаила вновь на моей горячей щеке, — если хочешь увидеть детей, то... — пауза, в которой я слышу угрозу, — борись.

Глава 3. Разве мы еще есть?

— Рвите листок, — ласково просит медсестра.

Пальцы слабые и не слушаются. Тонкая белая бумага не поддается мне. Она лишь сминается но не рвется.

Мышцы ослабли во всем теле.

— Ничего страшного, — воркует медсестра и забирает бумагу, — потом обязательно получится.

— Ну, что же, Надежда, — в палату входит энергичный доктор Святослав, а за ним бесшумным шагом следует Михаил.

Слабое сердце пробивает несколько ударов.

— Это чудо, — Святослав улыбается и раскрывает папку, которую принес с собой. — От опухоли ни следа. Анализ крови, конечно, — поднимает на меня хитрый взгляд, — может напугать, но вы вернулись с того света, милая. Восстанавливающая терапия...

Я почти его не слушаю.

Я смотрю на Михаила, который подходит к моей койке и придвигает стул. Садится и берет меня за руку, но это лишь игра для доктора и медсестры. Было бы странно, если бы мой муж, который годами за мной ухаживал, сейчас бы стоял в стороне.

— Ты сегодня лучше выглядишь, — говорит Миша и касается моей скулы со лживой улыбкой, — кажется, даже

румянец появился.

А я смотрю и смотрю на Мишу. Он одновременно чужой и родной, и от этого больно.

Я — его обуза.

— Еще несколько снимков и анализов, Надежда, и мы, наверное, сможем поговорить о вашей выписке, — пролистывает папку Святослав, а затем поднимает на нас взгляд. Обращается к медсестре, — кажется мы сейчас тут лишние. Пойдем.

Мы остаемся одни в гнетущей тишине. Вот он итог нашего брака и нашей борьбы.

— Я хочу увидеть детей, — хрипло шепчу я.

В глотке все еще першит от пластиковой трубки, которая закачивала в мои легкие кислород.

— Они подросли, — отвечает Михаил.

— Неудивительно, — сиплю, — больше года прошло.

У меня вздрагивают ресницы, и по щеке скатывается предательская слеза, скользит до подбородка и срывается на мою больничную сорочку.

— Сегодня я им скажу, — Михаил не отводит взгляда с моего лица. В голосе нет ни радости, ни нежности. Я бы назвала голос Миши мертвым, — что мама проснулась.

Больше года меня не было с детьми, а до этого они видели меня изможденной, бледной и умирающей.

Я помню, как они храбрились вместе со мной, а потом плакали в объятиях Михаила, который обещал, что мама

обязательно вылечится.

Надо только верить.

— Кто она? — сдавленно спрашиваю я, когда Михаил выдергивает и кармана пиджака платок и вытирает мои слезы.

Миша смотрит на меня исподлобья тяжелым и темным взглядом. Ему явно не понравился мой тихий и отчаянный вопрос.

— Твой доктор сказал, что тебе сейчас нельзя нервничать, — тихо, но четко проговаривает он, не спуская с меня мрачного взгляда, — понимаешь?

— Ты должен мне сказать... — судорожно шепчу я через боль, — я имею право знать, Миша... — слезы льются ручьями, — мне все это не приснилось... Я все слышала...

Я четко понимаю, что моя смерть принесла бы моему любимому мужу облегчение, и я не могу винить его за это.

Ему было все это время больно и сложно, и держался хорошо. Он ухаживал за мной, занимался детьми и успевал работать, ведь веселье с врачами стоило очень дорого.

Но мне все равно горько.

Очнуться и потерять мужа, который рьяно боролся за мою жизнь, но он сдался.

— Нам предстоит многое обсудить, милая, — вздыхает он, — но не сейчас. Ты слаба...

Я роняю голову на подушку и закрываю глаза, выпуская новые слезы. Когда меня увозили на операцию я верила, что открою глаза и на меня потоком хлынет радость и любовь,

но реальность оказалась жестокой.

— А мои родители?

Может, я найду тепло и ласку в маме и папе?

— Они сегодня должны прилететь, — отстраненно отвечает Михаил. — Они были в отпуске, и я не стал их раньше времени дергать. Вернутся, и все узнают от меня.

Жизнь идет своим чередом.

Я все понимаю.

Никто уже не ждал, что я очнусь, и все просто жили дальше. Да я бы сама не хотела, чтобы все рыдали у моей кровати все это время и лишали себя радостей жизни.

— Не обижайся на них, — Миша вглядывается в мой профиль, — это я их отправил в отпуск, чтобы они отвлеклись. Разве это плохо, Надя?

Случилось чудо, и я выжила, но мне муторно.

Меня ждет долгая реабилитация и, похоже, непростой развод, с мужем. У него новая женщина, а я уже давно перестала быть женой, которую хотят целовать, ласкать и обнимать с игривым шепотом.

Я не имею права его винить, но в груди растекается черная ревность.

Я ведь тоже не виновата в своей болезни, и она мне приносила не счастье и удовольствие, а боль и холодный ужас.

— Надя, — Миша поправляет ворот моей сорочки и тяжело вздыхает, — я тебя очень прошу сейчас сосредоточиться на своем восстановлении и на том, что мы должны под-

нять тебя на ноги.

— Мы? — медленно поворачиваю лицо к нему. — Разве мы еще есть?

— Ты меня считаешь тем человеком, который сейчас оставит одну, — он вскидывает бровь. — Надюш, тебе действительно потребуется серьезная реабилитация. И не на месяц, и не на два, ты это понимаешь?

— Не надо играть со мной в благородство...

— Ты все еще не пришла в себя, — Михаил встает и одергивает полы пиджака, глядя на меня сверху вниз. — Да, все сложно, Надюш, и все это не решить слезами.

— Это развод, Миш...

— Повторяю, — он смахивает мои слезы с щек, — поговорим позже, — хмурится, — я сейчас поеду за детьми, Надюш, и давай ты встретишь их с улыбкой.

Глава 4. Важный ужин

— Как ты вытянулся, — шепчу, я глядя на сына Костю, — такой взрослый...

Тяну к нему руку, которую он перехватывает и мягко сжимает, слабо улыбнувшись. Сейчас ему уже тринадцать лет. Да, он изменился за время моей комы. Он уже не мальчик, а острый и неуклюжий подросток с напряженным взглядом.

— И ты подросла, — перевожу взгляд на Оксаночку сидит по другую сторону от меня и шмыгает. — Красавица моя. Дайте я вас обниму...

Мои объятия выходят слабыми и неуклюжими, и за нами внимательно следит Михаил у окна.

— Милые мои, — касаюсь лицо молчаливого Кости, а затем поглаживаю щеку Оксаны. Вглядываюсь в их глаза, — любимые мои. Мама вернулась. Доктор говорит, что я... — улыбаюсь, — что я вылечилась.

— Но ты такая худая, — тихо отзывая Костя и хмурится. Пробегает по моему тонкому белому предплечью. Кожа да кости.

— Мама откормится, — уверенно обещает Михаил. — И аппетит, мне сказала медсестра, у нашей мамы хороший.

Многозначительно смотрит на меня, ожидая, что подыграю ему, ведь еще рано говорит про мой аппетит. Я ем все жти мерзкие жидкие супы через силу.

— Да, — стараюсь улыбнуться широко, и аж чувствую как мои слабые лицевые мышцы натягиваются, — кушаю я хорошо. Откормлюсь, — накрываю ладонь Кости своей, — обещаю.

— А ходить... ходить ты можешь? — тихо спрашивает он.

— Сможет, Костя, — вздыхает у окна Михаил. — У мамы будут специальные восстанавливающие занятия. Мышцы вернут свой тонус, и мама опять энерджайзером.

Наверное, дети уже и не помнят какой энергичной непоседой я могу быть. Да что там. Я сама уже этого не помню. Мне сейчас кажется, что мне никак не расстаться с больничной койкой и капельницей.

— Мам, — Оксана придвигается ко мне ближе и затем кладет голову мне на грудь.

Прислушивается к моему сердцебиению в желании убедиться, что я действительно жива.

Целую ее в макушку, и она медленно отстраняется. Всматривается в мое лицо и прижимает к нему теплые ладони:

— Ты бледная.

— Есть такой.

— Сейчас.

Она спрыгивает с высокой больничной койки и шагает к большому розовому рюкзаку, который она оставила у двери:

— Я взяла с собой косметичку.

— Ого, — смеюсь я. — У тебя теперь есть целая косметичка? А не рановато ли?

— Папа разрешил, — пожимает плечами. — У всех моих подружек есть, вот и мне и купили.

— Не переживай, мы договорились, что она не красится в школу, — Михаил провожает взглядом нашу дочь, — верно?

— Да.

Оксана копается в рюкзаке и вытаскивает розовую пушистую косметичку, и деловито сдувает локон со лба, развернувшись ко мне:

— Готова?

— Если тебе станет легче, — Костя цыкает, — то я тоже был ее жертвой однажды. И папа тоже.

Михаил в это время отвлекается на смартфон, который требовательно жужжит в кармане его пиджака.

Напряженно и угрюмо смотрит на экран, а после, почувствовав мой взгляд, поднимает глаза. Телефон продолжает вибрировать.

— Ты не ответишь? — спрашиваю я.

Мне не надо слов, чтобы понять: Михаилу звонит та, кто просила отпустить его и позволить жить в счастье и любви.

Очень жаль, что я не могу просканировать его телефон дистанционно и узнать, кто она такая.

— Костя, ты за главного, — командует Михаил и решительно выходит из палаты.

— А почему ты опять за главного? — Оксанка возвращается ко мне на койку.

— Потому что я старший, — фыркает Костя, встает и под-

ходит к окну. Стоит несколько секунд и заявляет, прячу руки в карманы джинсов. — Тут так уныло.

Оксана вытряхивает из косметички розовые тюбики помад, сиреневую палетку с блестками, парочку бутылочек лака для ногтей и кисточки.

Все такое милое, розовое и девчачье, что я ненадолго отвлекаюсь от мыслей о Михаиле и его новой любви, которая скрасила его одиночество и тоску.

— Мам, закрой глаза.

Я подчиняюсь тихой просьбе Оксаны. Чувствую на веках мягкую кисточку.

— Мам, а ты когда домой? — спрашивает Костя.

— Скоро, — неопределенно отвечаю я. — За мной должны еще понаблюдать.

Костя молчит, а Оксана уже подкрашивает мне губы клубничной помадой, а после пробегает липкими пальчиками по моим щекам:

— Немного румян...

— Мам, — тихо говорит Костя и опять замолкает.

— Что?

— Нет, ничего.

Однако когда так говорят, то под ничего обычно скрывается что-то очень важное. Что-то о чем сложно говорить.

— Теперь ногти покрасим, — Оксана устраивается удобнее и подхватывает бутылек с ярко-розовым лаком.

— Костя, — едва слышно отзываюсь я. — Милый, почему

ты замолчал?

— А он у нас неразговорчивый, — Оксана откручивает крышку-кисточку от бутылка с лаком и, высунув кончик, языка красит мне левый мизинец. Дует и заявляет, — молчунишка.

Костик оборачивается и хмурится на меня. Вряд ли он скажет мне что-то хорошее и радостное.

— Говори, Костя. Что случилось? — я улыбаюсь. — Что тебя тревожит, зайчик?

— Папа неделю назад сказал, что у нас будет очень важный ужин и он нас с кем-то познакомит, — отворачивается, — но ужина так и не было.

Глава 5. Я сделала тебе больно

— Может, папа хотел с нас со своим другом познакомить,
— Оксанка пожимает плечи и дует на мои ногти в ярко-розовом лаке, который покрашен неаккуратно и с проплешинами, — или с подругой... — поднимает на меня взгляд, — папа говорил, что мальчики могут дружить и с девочками.

Я не знаю, куда себя деть, и как защитить себя и моих детей от реальности, в которой наша семья рушится.

Хотя...

Я в этом состоянии была и перед операцией. Я так хотела их защитить, но не могла. Я ничего не могла сделать, и, очнувшись, я вновь оказалась слабой, но сейчас со мной рядом нет Михаила.

Он сам стал для меня угрозой и наказанием.

— У тебя же тоже есть подружки, — Оксана оглядывается на брата и закручивает крышку-кисточку.

— Нет у меня подружек, — огрызается Костя.

— Я не про тех подружек, с которыми целуются, — Оксана сердито хмурится. — О других. А почему, — смотрит на меня, — для девочки подружка — это подружка, а для мальчика подружка — это девочка для свиданий и поцелуев.

Два раза моргает и ждет от меня ответа, а мне так больно, что я не могу даже рот раскрыть.

Михаил был готов заменить меня.

Михаил планировал на этой неделе ввести в жизнь наших детей новую женщину.

Я не должна его винить, потому что врачи не давали хороших прогнозов, но мне больно и обидно.

— Зря я сказал, — фыркает Костик и отворачивается к окну.

— Нет, не зря, — сдавленно отвечаю я. — От мамы ничего не надо скрывать.

— Мам, — Оксана хмурится, — ты про подружку ответишь? Или ты не знаешь?

— Все же мальчики, когда влюбляются и начинают встречаться, — тихо поясняю я, — девочку называют моя девушка, а не моя подружка.

— Моя девушка? — уточняет Оксана и хмурится.

— Да.

— Значит, у Костика нет своей девушки?

— Да блин! — Костя опять зло оглядывается на сестру. — Что ты заладила про подружек и девушек?!

— Или есть? — Оксанка подозрительно прищуривается. — Признавайся!

Надо признаться, я упустила в моих детях не только то время, которое пробыла в коме, но и те два года болезни, что сожгли меня болью, слезами и отчаянием.

Я их помню другими.

Поменьше и милыми липучками, которые лезли обниматься при любой удобной возможности, а сейчас я чув-

ствую, что между нами... нет, не холод и не настороженность.

Они будто стали на шаг дальше. Я все еще могу их коснуться, услышать их голоса и смех, увидеть их улыбки, но они не обнимают меня и прячутся под моими материнскими руками.

И это логично. Слабая больная мать не может защитить детей. Она делает больно, она дарит страх и отчаяние перед будущим.

Сколько они теряли меня при приступах боли и обмороках, которые настигали меня внезапной и безжалостно.

— Я люблю вас, — касаюсь теплой бархатной щеки Оксаны, которая со вздохом собирает косметику в косметичку.

— Мы тебя тоже любим, — шмыгает, — но вдруг ты опять заснешь? — поднимает взгляд, и на ее глазах выступают слезы. — И не проснешься?

— Такого не будет, — едва сдерживаю себя от горьких рыданий. — Я вернулась, чтобы опять быть с вами.

Оксанка опять громко шмыгает и валится мне на грудь всем весом. Я коротко выдыхаю весь воздух из слабых легких, широко распахиваю глаза и понимаю, что не могу сделать новый вдох.

Оксана придавила меня к больничной койке бетонной плитой, но я ее все равно приобнимаю, потому что она сейчас нуждается в моей ласке. Ну и что, что легкие сдавило, а ребра трещат.

Моя девочка.

У меня перед глазами расплываются черные пятна. Кажется, я теряю сознание.

— Оксана! — слышу сквозь гул в ушах строгий голос Михаила. — Иди сюда, милая, маме тяжело... С мамой сейчас надо быть осторожной... Она очень слабая сейчас...

Под громкий всхлип я вынырываю в реальность. У кровати стоит Михаил, прижимает к себе плачущую в его пиджак Оксану, а рядом замер испуганный и бледный Костя.

— Все... хорошо...

Но я бессовестно лгу.

Ничего хорошего. Я настолько слабая, что объятия с дочерью могут меня отправить в обморок.

— Милая, — я протягиваю руку к Оксане, — все хорошо.

Оксана оглядывается и шепчет:

— Я сделала тебе больно...

— Нет.

— Маме надо восстановиться, — Миша обхватывает ее лицо и поднимает к себе. — Пропить витамины, заняться специальными физическими упражнениями, вернуть себе силу, мышцы. Это нормально. Так и должно быть. Мама серьезно болела. У нее была сложная операция.

Оксана утыкается ему в грудь, а он ее со вздохом крепко обнимает, напряженно глядя на меня.

— Вот жуть... — хрипло шепчет Костя и бледнеет до белого листа бумаги. — Я даже ничего не понял.

— Все хорошо, — слабо улыбаюсь я.

— Я думаю, маме надо отдохнуть, ребят, — Миша переводит взгляд на Костика, — выдыхай, это не твоя вина. Так, — он задумывается на несколько секунд, — маму можно поцеловать, погладить, и давайте домой.

Я готова Михаила умолять, чтобы дети остались со мной еще на минут десять, но он прав. Им надо переварить увиденное, пережить новый страх рядом с ним, а мне... мне надо настроиться на борьбу.

— Я вас обязательно крепко-крепко обниму, — шепчу я с натянутой улыбкой, от которой болит лицо, — так крепко, что косточки затрещат.

— И папу сильно обнимешь? — Оксана вновь оглядывается на меня. Зареванная и с красными щеками. — И у папа косточки затрещат?

Глава 6. Светлый лучик

Щурюсь под солнечными лучами, а мама прыгает вокруг моей инвалидной коляски с причитаниями, какая я бледная, худая и как похожа на скелета. Уже по кругу пятому идет.

Папа сидит рядом на скамье и тяжело вздыхает, глядя на меня. Периодически гладит мою руку, отворачивается и делает медленный выдох, сдерживая в себе слезы.

— Хороший тут персонал, — мама в очередной раз поправляет на мне ворот кардигана, заглядывая мне в лицо, — и ты стала их любимицей. Медсестры, врачи, санитарки... А как Алина за тебя переживала.

Отвлекаюсь от меланхоличного созерцания зеленой листвы, что дрожит под легким летним ветром.

Какая еще Алина?

— Из регистратуры, — поясняет мама, когда я на нее недоуменно смотрю. — Очень шустрая девочка, и очень добрая. Все объяснит, проведет, воды нальет, — мама вздыхает, — она меня не раз успокаивала, — мама прижимает платок к глазам и отворачивается, — по моей просьбе в ночные смены проверяла тебя...

— Как интересно, — тихо отзываюсь я. — Алина...

Я напрягаю все свои мозги, которые отчаянно отказываются работать. У меня такое ощущение, что их сначала высушили, растерли в порошок, потом замочили в воде и затем

из этой субстанции обратно слепили извилины.

— Рыжая такая, — говорит папа. — Вся в веснушках. Маленькая.

Помню, да.

Эта милая рыжая красавица встретила нас с Михаилом и в первый раз, когда мы пришли на полное обследование. Много улыбалась, подбадривала меня и говорила, что клиника у них замечательная.

Конечно, замечательная. За те деньги, которые отстегивал Михаил без сомнений и раздумий, можно было построить космическую ракету и отправить человека на Марс.

Это она.

Невесело хмыкаю.

Моего мужа потянуло на рыженьких милашек?

Не буду спорить. Алина из тех стерв, которые мастерски располагают к себе мягкой дружелюбностью, ласковыми улыбками и тем чувством, что ей не все равно.

— Это странно, — вздыхаю я, — ночами меня навещала, а как я проснулась, так и не заглянула ко мне.

Да и ежу понятно, почему сердобольная Алиночка после моего пробуждения носа не показывает ко мне.

— Не знаю, — вздыхает мама, — она нас сегодня встретила и поздравила, — заглядывает мне в лицо, — может, работы много. Она была какой-то уставшей.

— Или грустной? — уточняю я.

— Может, грустной... — мама задумчиво жует тонкие гу-

бы и ежится. — Я вообще не понимаю, как тут можно улыбаться? Столько страданий, боли, смертей...

Интересно, она Мишу заприметила с первой нашей встречи? Конечно, как на такого печального и богатого красавчика не обратить внимания?

— Я хочу ее увидеть, — вздыхаю и мило улыбаюсь маме, — она меня навещала. Надо сказать ей спасибо.

— Да, — запоздало подытоживает папа, — странно, что она сама не заглянула к тебе. Ты подняла такой шум, будто из мертвых вернулась.

— Я и вернулась, — смотрю на отца.

— Сердце у тебя билось. У мертвых оно не бьется, — безапелляционно заявляет папа и я покряхтыванием встает.

Разминает плечи и пальцы. Загар на лице подчеркнул его седину в волосах и углубил морщинки в уголках глаз под очками.

— О, Мишенька! — восклицает мама. — Загоняла я его сегодня.

Я вновь поднимаю взгляд на листву, сквозь которую пробивается солнечный свет. Чувствую, как сужаются мои зрачки.

— Вот ваш чай, Мария... — от голоса Михаила слабо сжимается мое сердце, — милая, как ты?

— Слушай, — поднимаю на него взгляд, — мне надо сказать Алине спасибо...

Я делаю небольшую паузу и немного прищуриваюсь.

Я оказалась права. По его лицу пробегает темная тень напряжения. С чего бы вдруг ему так нервничать при упоминании простой администраторши?

— Да, я тут внезапно ее вспомнила, — я не моргаю, — она так меня подбадривала каждый раз. Очень милая девочка. И, представляешь, по просьбе моей мамы навешала меня в ночные смены. Ты знал?

— Нет, — строго чеканит он и хмурится до глубокого излома на переносице.

На секунду мне кажется, что я могу ошибаться в своих догадках. Может, все-таки мой слабый мозг при пробуждении сыграл со мной злую шутку, и я приняла галлюцинацию за реальность.

Но Михаил ничего не отрицал.

— Отвезешь меня к Алине? — я так и не моргаю и продолжаю вглядываться в рассерженные черные зрачки Михаила. — Сама я ножками не дойду. Я только пару шагов могу сделать.

Откажется возить меня к своей Алине, которая была для него утешением?

— Ой, пусть мужики посидят тут и поболтают, — мама идет на помощь любимому зятю, — а я с тобой прогуляюсь до регистратуры, — вручает мне бумажный стаканчик с горячим чаем, — держи.

— Нет, — улыбаюсь я, — пусть Миша меня отвезет.

— Так это хитрый план от нас сбежать? — папа смеется.

— Мы должны вдвоем поблагодарить Алину за ее неравнодушие, — пожимаю плечами и делаю глоток чая, придерживая второй рукой стаканчик за донышко. — Сколько раз она нас встречала, провожала и говорила, что мы справимся, — вновь перевожу взгляд на молчаливого Михаила, — такая милая всегда.

Вези меня, козлина, к своей рыжей потаскухе. Я хочу посмотреть в ее лживые зеленые глаза и услышать ее сладкий голосок, которым она заливала мне ядовитый мед в уши.

— Ты же согласен, что надо поблагодарить человека за его добрую и открытую душу, — возвращаю стаканчик с чаем маме и чуть его не роняю, — не зря же ее называют светлым лучиком.

Глава 7. Это конец

Михаил сворачивает по коридору налево и везет меня в сторону больничной оранжереи.

— Административная стойка не этой стороне, милый, — говорю я.

— Я в курсе, — коротко и четко отвечает мой любимый муж.

Нам навстречу шагают две медсестры. Улыбаются, здороваются и желают хорошего дня, а Михаил катит кресло со мной дальше.

Когда он заводит меня в небольшую оранжерею, нас накрывает прохладная влажность и запах терпкой зелени.

В глубине журчит фонтанчик.

— Миша...

Миша тормозит под невысокой пальмой, блокирует колеса и обходит кресло, чтобы потом резко и решительно развернуться ко мне.

Он не оценил по достоинству мою смелость и желание побеседовать с Алиной. Наверное, я поставила его в неудобное положение, а он не любит, когда его пытаются загнать в угол.

— Ты хочешь поговорить? — спрашиваю я. — Зачем ты сюда меня притащил? Тут, конечно, зелено и красиво, но мне тут все равно не нравится. Потому что это тоже часть больницы.

Храбрюсь из последних сил. Если честно, то я уже хочу к себе обратно в палату: мне бы поспать пару часов.

Михаил смотрит на меня, хмурится и прячет левую руку в карман. Чую, я пожалею, что вывела его из себя необдуманной наглостью.

— Она была рядом, — наконец, говорит Миша. Взгляд у него угрюмый и прямой, — когда тебя не было.

Чтобы быть в состоянии принять такие слова красиво и достойно, нужны силы, которых у меня нет, но ведь я сама напросилась.

Миша же сказал, что наш серьезный разговор стоит отложить, но я никогда не умела терпеть.

Мне тяжело дышать. Мою грудь будто стянули стальными холодными кольцами. Еще чуть-чуть и треснут ребра от давления.

— Я же не могла быть рядом, Миша... — каждое слово отдается в сердце глухим ударом боли. — Это не моя вина.

— Я тебя ни в чем не обвиняю, — отвечает с холодной отстраненностью, — но я должен быть честным с тобой. Да, у меня другая женщина.

— Как давно? — выдыхаю весь воздух и меня ведет в сторону под волной слабости. — Она уже была до моей операции?

— Да, — коротко и жестоко отвечает Михаил. — Она была до операции.

— Алина?

— Да.

Прикрываю веки.

Я сейчас не могу даже слезинку из себя выдавить, и это больно. Слезы освобождают, и боль с ними мягче.

— Ты так долго с ней... — поднимаю взгляд, — Миша, ты ждал, что я умру? Ты ждал моей смерти?

— Ты не права, Надя, — лицо у Миши напряженное, будто ему очень больно, — но я уже не ждал, что ты очнешься. Никто не ждал. Ты могла пролежать в таком состоянии пять лет, десять лет, двадцать лет.

Мне нечего ему возразить. Я принесла много горя нашей семье, много боли и могла растянуть это отчаяние на десятилетия.

— Это развод...

Михаил молчит, смотрит в сторону, а после вновь переводит на меня взгляд:

— Ты понимаешь, что твое состояние не подразумевает того, что с тобой будут жить дети, — каждое слово режет меня по живому. — Ты сейчас не в состоянии заботиться о них.

Из меня будто выпускают весь воздух. Меня начинает трясти.

— Жестоко, Миша...

— Это правда, Надя, — он не моргает, и в его глазах я не вижу стыда. — Тебе будет нужна сложная и долгая реабили-

тация, круглосуточная сиделка, личные тренеры с медицинским образованием, которые должны будут поставить тебя на ноги.

И он опять прав.

— Тебе самой нужна забота и контроль, — Михаил продолжает всматриваться в мои глаза, — уж я-то знаю, о чем говорю, Надя. Развод? Хорошо, давай подумаем о разводе, если ты настаиваешь, но, вероятно, это я буду искать тебе адвокатов для развода со мной, да? И я буду заниматься вопросами твоей реабилитации, потому что родители твои не в курсе, какой персонал надо будет тебе подыскивать и в чем ты нуждаешься.

Я чувствую себя маленькой никчемной букашечкой сейчас.

— Ты должен быть с любимой... А дети... Я обязательно приду в норму...

— Я не хотел твоей смерти, Надя, — наклоняется ко мне и хмурится, — не смей меня в этом обвинять.

— Ты мне изменял...

Глаза Михаила вспыхивают гневом, и он поскрипывает зубами, а после медленно цедит:

— А остальное тебя не волнует?

— А теперь ты ко всему прочему еще и детьми манипулируешь? — у меня сильно и несколько раз вздрагивает подбородок, но слез так и нет.

— Еще раз, Надя, тебе самой нужна забота, как малень-

кому ребенку. Тебе придется заново учиться ходить, — проговаривает каждый слог четко и медленно. — Раз настаиваешь о разводе, то ты должна понимать, что ты сейчас не полноценный родитель. Или ты хочешь, чтобы наши дети стали тебе няньками?

— Нет...

Дышать все труднее, и перед глазами начинает все расплываться и идти черными мушками.

Михаил прижимает к моему лицу кислородную маску, трубка которой тянется к баллону на спинке инвалидного кресла.

— Глубокий и медленный вдох, Надя, — голос у Михаила ровный и без ноток паники, — а теперь выдыхай...

Его мрачное лицо вновь становится четким, и голова проясняется.

— Но я не смогу... остаться рядом с тобой после всего этого... даже ради детей, — шепчу я.

— А я этого и не жду, Надюш, — заправляет локон волос за мое ухо с усталым, — не жду, не требую и понимаю, что это конец.

Глава 8. Но не будет мужа

Мама стоит ко мне спиной. Прижимает ладонь ко рту и ничего не говорит на мое признание, что Миша мне изменял и изменяет.

Он так и не отвез меня к Алине, потому что из-за слабости я опять начала терять связь с реальностью.

Привез в палату, вызвал медсестер с врачом и оставил меня.

Я потеряла его, и в своих словах, что я неполноценный родитель, за которым сейчас нужна забота и присмотр, жестокая правда.

И я не могу бравировать тем, что встану на ноги, что стану сильной и независимой и верну себе детей, потому что реабилитация займет не неделю, не месяц и даже не полгода.

А у меня есть эти полгода?

И будут ли моральные силы бороться за жизнь, когда не будет рядом Михаила и детей? Когда не будет любви?

— Мам, это развод.

Я не знаю, зачем это повторяю. Наверное, затем, чтобы саму себя убедить. Я верила, что с Мишей мы навсегда, и перед операцией шутила, что если все пойдет не по плану, то я буду его с детьми ждать в следующей жизни.

Ему не нравились эти шутки, а я вот сейчас думаю: может, смерть для меня стала бы благословенным забвением, чем

жизнь, в которой я останусь среди чужих людей.

— Какой развод?! — мама резко разворачивается ко мне и медленно выдыхает через нос, зло глядя на меня.

— Обычный.

— Обычный?! —

— Ты меня слышала, что я тебе сказала?

— Вы о детях подумали?! А?! — мама кричит на меня шепотом.

— Мам, у него любовница....

— За волосы и на мороз! — рывкает мама.

— Мам, не говори ерунды.

— Ах, ерунды?! — мама округляет глаза и решительно шагает к моей койке.

Так решительно, что я даже пугаюсь ее хмурого лица, но мне не убежать. Я могу только перекатиться через бортик койки, упасть на пол и поползти.

— Значит, я говорю ерунду? — мама наклоняется ко мне и щурится. — У тебя дети сначала тебя потеряли, и теперь, когда у них появилась надежда, вы решили развестись? Вы о чем думаете?

— У него любовница... — неуверенно говорю я.

— Я слышала, — мама наклоняется ко мне ближе. — И ты решила взять и отойти в сторону ей на радость? Ты в своем уме, Надя?

— Мам, ты себя слышишь?

— Ясно, — щурится сильнее, — к Мише у меня вопросов

нет...

— Что?

— Он мужик, Надя, — шипит мама, вглядываясь в мои глаза, — который раз за разом терял жену, когда она падала на кухне в обмороки, он купал тебя, кормил с ложечки, возил по всем этим больницам... Мужикам такое сложно прожить...

— А мне, значит, легко было? — задыхаюсь от возмущения. — Это я из-за каприза решила заболеть?!

— Когда у вас была близость в последний раз? — мама вскидывает бровь в ожидании моего ответа.

Я аж теряюсь от ее вопроса и не понимаю, о чем она завела речь.

— Мам, ты в своем уме?

— Год и три месяца комы мы точно выкидываем из вашей жизни, — продолжает смотреть мне в глаза. — А эти два года, которые вы по больницам...

— Прекрати... — я начинаю злиться и даже пытаюсь сжать кулаки, но ничего не получается. — Я не буду обсуждать с тобой...

Не было у нас ничего за эти два года, кроме объятий и поцелуев, и то поцелуи я обрывала, когда они становились глубже и настойчивее.

Потому что не могла.

Потому что после четкого и конкретного диагноза, который предрекал мне смерть, я потеряла интерес ко многому.

Мысль, что я умру постоянно сидела у меня в мозгу, а потом приступы стали чаще, боль буквально размазывала, и было лишь одно желание — чтобы все это уже закончилось.

— Ты не за монаха выходила замуж, Надя, — шепчет мама, — и не за святого ангела, а за человека. Ты сейчас просто подаришь своего мужа какой-то проשמандовке! — переходит на рык.

— Он меня не любит! — в хриплом отчаянии отзываюсь я. — Ты не слышишь меня?

— Тебя дети ждут дома, — мама мягко сжимает мои плечи и слабо встряхивает. — Они дом украшают, Надя, — в уголках глаз вспыхивают слезы, — вы их пожалейте. Ты же мать, ты должна понимать, что... что ты вообще собралась делать? Куда после больницы?

Я не знаю.

Я просто хочу развод и, если честно, я жду, что именно Миша возьмет на себя решение всех этих вопросов.

— К вам? — неуверенно предлагаю я. — Мам, вы меня к себе заберете... на первое время, пока Миша...

— Пока Миша не решит, что делать дальше, — раздаётся мрачный голос Михаила, — пока Миша не организует новую жизнь, быт, реабилитацию, развод, встречи с детьми, содержание и контроль за всем этим цирком.

Проходит через всю палату к креслу у окна и медленно опускается в него, а затем закидывает ногу на ногу.

— Да, примерно такой план у вашей жены, — Михаил

поднимает взгляд на мою маму и поглаживает подлокотник. Обручальное кольцо все еще на месте. — И я поддерживаю этот план.

— Миш, у вас дети, — тихо начинает мама. — Как они воспримут эту новость.

— Я не буду держать возле себя слабую женщину против воли, — Михаил не моргает. — А с детьми я сам поговорю. Это не ваша забота.

— Они же ждут Надю...

Глотку схватывает спазм боли. Как мать, моя мама права. Наши дети заслуживают надежды и радости от возвращения живой мамы домой.

— Господи, — прикрываю глаза, из которых льются слезы, — мам, все решено...

— Миш, тебе Костю и Оксанку не жалко?

— Я, конечно, понимаю, что сейчас Надю можно, даже не связывая притащить домой, но... — он вздыхает, — к чему все это?

— Ты просто устал, Миш, — мама садится на край койки.

— Да, устал, — подтверждает мой муж. — И раз Надежда все знает и так сопротивляется счастливому воссоединению семьи, то я ее поддержу. От своей ответственности я не отказываюсь. Она встанет на ноги, у нее будут лучшие врачи, реабилитологи, тренеры, няньки, сиделки, содержание...

— Но не будет мужа, — выдыхаю я тихий приговор, который режет сердце надвое.

Глава 9. Не хочу ее жалеть

— Ты сама даешь этой шалаве зеленый свет, — громко и безапелляционно заявляет мама, и ее совсем не смущает то, что в палате находится Михаил.

— Давай поменьше эмоций, — вздыхает Миша.

— Что вы детям скажете?! — мама почти кричит. — Я понимаю, у вас непростое время. Вам выпали серьезные испытания...

— Мам, хватит...

— Я не поддерживаю это решение! — она в ярости смотрит на меня. — И ты так не ответил, что ты скажешь детям?!

— Скажу прямо, что разводимся, — Михаил не отводит взгляда от лица мамы, — и что жить они останутся со мной, потому что пока мама не в состоянии нести за них ответственность, как родитель.

— Может, тебе про свою любовницу начать?

— А, может, тебе, Надя, надо понять, что от меня многое сейчас зависит? — Михаил переводит на меня взгляд.

Он разозлился.

Ему не нравятся крики моей мамы и та ситуация, в которой он оказался.

— Это, что еще? Угрозы, Миша?

— Ты хорошо начала, поэтому не скатывайся в истерики, — он немного прищуривается. — Ты тут уже начала меня

обвинять, что я хотел твоей смерти, поэтому... — он делает паузу, в которую вкладывает серьезное для меня предупреждение, — я прошу тебя сделать вдох и выдох. Хочешь, все устроить цивилизованно, тогда никаких криков, никаких манипуляций с детьми и попыток отомстить мне через них.

Мама напрягается и, кажется, даже не дышит. В палате становится холодно. Нет, даже морозно.

Миша сейчас не заигрывает со мной.

— Они обязательно узнают о том, что у меня серьезные отношения с другой женщиной...

— Ты не должна этого допустить, Надя, — шепчет мама, глядя на меня с отчаянием, — да что же ты творишь... ты же мать...

А я взгляда не могу отвести от Михаила, который продолжает:

— Твоя задача — встать на ноги, — его взгляд становится еще жестче, — сколько раз мне надо это повторить, чтобы до тебя дошло?

— Как ты со мной разговариваешь? — судорожно выдыхаю я.

— Как со взрослым человеком, который должен осознать, что я не потерплю твои попытки устроить скандал с участием моих детей, — не моргает, — и знакомство с Алиной будет на моих условиях, а не на твоих, Надюш. Ты не потянешь.

Воцаряется гнетущее молчание, в котором мама прижимает ладонь к груди и прикрывает глаза.

Вот тебе и вышла из комы.

— Ты не имеешь права... — всхлипываю я.

— Вы должны попытаться все это преодолеть...

— Никто из нас в этом не видит смысла, — Михаил встает и поправляет пиджак, а после затягивает галстук, — да и не будет теперь счастливого воссоединения семьи. Я этому, как отец, совершенно не рад, но, как мужчина... — переводит на меня взгляд, — я поддерживаю тебя в решении развода. Так будет правильно.

— И тебе все равно, что скажут люди? — мама в глубокой растерянности смотрит на Михаила.

— Люди будут улыбаться мне в лицо, — Михаил обнажает зубы в жутком оскале, — и ничего мне лично не скажут. Будут сплетни за спиной, но какое мне до них дело после всего? М?

— Миш, ты просто в стрессе...

— И очень давно, — соглашается Михаил, — и пора из него выходить, — вновь смотрит на меня, — мне жаль, Надя, но да, я устал. Зверски устал за эти годы, и не моя вина, что ты заболела. Я старался, ясно? Я старался быть тем мужем, который не боится твоих криков, памперсов и того, что ты не можешь встать с кровати, но от мужа ничего не осталось. Я стал медбратом...

— Я не хочу... — накрываю лицо ладонями, — этого слышать.

— Может, вам действительно стоит пока разбежаться...

— шепчет мама. — Наде встать на ноги, вновь стать женщиной... а тебе, Миш, просто побыть в стороне... Ты ведь ее любишь, Миша...

Болезнь и кома уменьшила во мне еще и количество слез. Всхлипнула, выпустила пару слезинок и все, больше выдавить из себя не в силах, а глотку распирает болью и обидой.

— Миш, эта другая женщина — лишь иллюзия... — сидит мама.

— Пусть он оставит меня, — говорю сквозь боль. — Пусть уходит к ней, раз так устал. Я услышала достаточно.

Лучше бы не просыпалась. Лучше бы у меня остановилось сердце, и тогда меня бы обошла стороной эта боль с отчаянием. Тогда бы в моем мозгу сохранился лишь последний поцелуй перед операцией и теплые пальцы на щеке.

— Миш, ты не торопись, — голос у мамы сдавленный, а затем смотрит на меня, — вам надо к семейному психологу.

— На сегодня оставляю Надю на вас, — Миша игнорирует мою маму и шагает к двери, разминая шею. — Меня это место утомляет и давит, — кидает на маму беглый взгляд, — и психолог нам не поможет. Спасибо за ваше неравнодушие, Мария, но... все это пустое. Я хочу любить женщину, хочу ее хотеть, а не жалеть. Я в этой жалости слишком долго прожил.

— Наша Надюша вернется, — мама слабо улыбается, — и ты вспомнишь, что ты ее любил и хотел.

Глава 10. Рыжая лисичка

— Наденька, — воркует за дверью уборной медсестра, — вы там чего затихли?

Закрываю глаза.

Сию на унитаза, и на меня накинудись жалкие и до крови скребушие воспоминания, в которых Михаил заводит меня в туалет, помогает сесть, а потом белье стягивает.

— Наденька...

— Да жива я, жива, — тихо отвечаю я.

— По большому, да? Я жду. Я просто испугалась. Вы такая тихая...

— Пожалуйста... — зажмуриваюсь.

— Молчу-молчу... А, кстати, ваш муж такой строгий...

— О, господи, — зажмуриваюсь сильнее.

— У всех тут требует отчетности... С главврачом на несколько часов заперся... Суровый пирожочек.

Мама в какой-то момент потребовала, чтобы Миша нанял сиделку, но ее никто не послушал.

Не буду скрывать. Я тоже была против чужого человека, потому что эгоистично хотела, чтобы обо мне заботился Михаил, потому что я остро нуждалась в его любви, ласке и защите.

И теперь я думаю, что он так отчаянно боролся за меня в последние месяцы перед операцией из-за чувства вины, а

не из-за любви.

— Я закончила, — подаю я голос.

Медсестра заходит в уборную, и стараюсь абстрагироваться от ее помощи и сильных рук, которые сначала возвращают мое белье на место, оправляют сорочку и помогают встать на ноги.

— Ты большая умничка.

— Лучше бы я не просыпалась, — отвечаю ей слабым и отчаянным рыком и делаю один шаг к креслу-коляске, опираясь о ее руку.

— Я пожалею о тебе твоему мужу.

Я знаю, что он не бросит меня на произвол судьбы. У меня будут лучшие сиделки, лучшие тренеры, лучшая программа реабилитации, и мое новое место жительства будет переоборудовано под все мои нужды и удобство.

Я не останусь без денег и с голой жопой.

И знаю, что Миша ради того, чтобы я встала на ноги, будет готов и фирму продать, но вложится в мое здоровье он не по любви.

А из-за ответственности.

Еще один шаг к креслу-коляске.

Я не любимая женщина, а обуза, к которой ничего не осталось кроме жалости.

— Садись.

Медсестра опускает меня в кресло.

— Ты же попросила на выписку красивое платье, косме-

тику, туфли и украшения?

Я поднимаю недоуменный взгляд:

— Зачем?

— Здрасьте! — охает и упирает кулаки в упитанные бока.

— Как зачем? Или бледной молью поедешь домой?

— Да.

— Дура?

— Нет сил у меня на красивое платье, туфли и весь этот глупый марафет.

— Точно мужу пожалуюсь. Ладно, — хмурится, — я ему позвоню и скажу, что пусть везет платье. Самое красивое. Самое его любимое платье.

Улыбается, а я хочу голову разбить о кафельную стену. Я не хочу на выписку, потому что я после нее поеду не домой, а к маме и папе.

— Ты знаешь, какое у твоего мужа любимое платье?

Что за тупые вопросы?

Я не носила платья и туфли целую вечность, и, если честно, то я уже забыла, что у меня хранится в шкафах.

Не до платьев мне сейчас.

— Даже мне интересно, — обходит меня сзади и обхватывает ручки кресла-коляски, — что он выберет для тебя.

Выкатывает из уборной, и в этот момент в мою просторную светлую палату заглядывает Алина.

Замирает, бледнеет и слабо улыбается.

— Что ты тут забыла? — сердито вопрошает медсестра.

— Ты за мной или... что? Чего тебе?

На лисичку похожа. На милую ласковую лисичку, которая, выпрашивая ласку, мило щурит глазки и забавно фырчит.

Фыр-фыр-фыр.

Пришла позлорадствовать? Михаил оповестил ее, что его больная, жалкая и слабая жена требует развода и что им больше не надо скрывать свои отношения?

Об этом же мечтают все любовницы. Выйти из тени и быть не тайной, а открытой любовью и новой спутницей.

Может, мама права? Может, обломать эту рыжую стерву и отказаться от идеи развода? Вернуться домой и заявить Михаилу, что ради детей мы должны повременить с разводом и серьезным разговором, который раскроет им милую Алину?

Обломать этой гадине все ожидания, что еще чуть-чуть и чужой муж станет полностью ее мужчиной?

А то очень удобно. Обманутая жена требует развод и после выписки отправляется не к детям и мужу, а к родителям в больничной сорочке, растянутом кардигане и пушистых тапочках.

— Я хотела... поздравить Надю с тем, что она к нам вернулась, — тихо воркует Алина.

Какой сладкий голосок. Мое воображение рисует картинку: рыжая и бесстыжая шлюшка шепчет Мише на ухо с печальной улыбкой, что она рядом. А затем она его целует.

— Ты помнишь меня? — спрашивает Алина.

— С памятью у меня все хорошо, — напряженно отвечаю я и не моргаю. — Помню, конечно.

— Я, наверное, чуть позже загляну...

Мне нельзя ее упускать. Я же хотела посмотреть в ее наглые глаза и лично сказать, что она совсем не ангелочек, а хитрая тварь.

— Нет, — перебиваю я ее.

Мы смотрим друг на друга. Я тощая, бледная и изможденная, а она — румяная, с гладкой кожей, которая будто светится изнутри и блестящими волосами.

— Я тогда побегу, — медсестра приглаживает карманы халата и поправляет чепчик. — Загляну в гости к другим.

— Спасибо, — поднимаю я на нее взгляд.

— Но мужу твоему я все равно пожелаю, — грозит мне пальцем. — Ты меня поняла?

Замечаю, как Алина напрягается при упоминании Миши, и я иду на поводу своей женской ревности и эго, и подыгрываю медсестра с милой улыбкой:

— Только сильно не жалуйся, а то он и так тут сердитый ходит и всех гоняет.

Глава 11. О любви

Я и Алина остаемся один на один. Смущенно жметесь у двери и губы кусает, а я сижу и жду, когда она, наконец, соизволит объяснить, зачем пришла.

Наверное, она ждала от меня инициативы в таком непростом разговоре о том, что она утешала столько времени моего мужа.

— Как ты? — спрашивает она, а затем нагло врет с милой улыбкой. — Хорошо выглядишь.

И опять замолкает.

Роль рыжей милашки не подразумевает наглости и криков “Михаил — мой!”. Она же не тварь, в самом деле. И не разлучница, которая оскорбляет жену своего любимого мужа.

Вот она точно ждала моей смерти. Вслух никогда не признается, но моя смерть окончательно бы освободила Мишу от ответственности, чувства вины и жалости, которая не позволяла ему насладиться новой любовью сполна.

Да уж. Какие уж тут бабочки в животе, когда надо возвращаться к слабой и мычащей от боли жене или ехать в больницу на встречу с ней, когда она лежит в коме?

— Ты знаешь, да... — она поднимает на меня виноватые зеленые глаза, — что мы с Мишей...

Я приподнимаю бровь, и трачу на эту женскую насмешку много сил, но я должна спрятать за этой гримасой высоко-

мерия свои слезы и отчаяние.

— Мы любим друг друга, — прячет руки за спину и решительно смотрит на меня. — Это по любви, Надя.

А как не полюбить богатого печального мужика-почти-вдовца? И не обрюзгшего жирного старика, который сам похож на умирающую жабу, а красавца в самом расцвете сил.

— Не вини нас.

Я продолжаю молча смотреть на Надю. Да, она действительно ждет, что я отползу в сторонку и оставлю ей Мишу.

— Никто тебя, конечно, не бросит без лечения...

— Прости, а каким боком вопрос моего лечения касается лично тебя? — недоуменно спрашиваю я.

Теряется под моим немигающим взглядом. Вот это да. Она уже решила, что она имеет право участвовать в обсуждении моей реабилитации, лечения и восстановления?

— Ты же поняла о чем я, — слабо улыбается, — я понимаю, ты злишься, но... сердцу не прикажешь.

Что же твое сердце не обратило внимание на нищего студента или разнорабочего со стройки? Что же вас, таких нежных и любящих, всегда тянет к мужикам, которые состоялись в жизни, достигли высот и твердо стоят на ногах?

Какая очень удобная и выгодная любовь.

— Ты должна понять меня. Я тебе не враг, и мы не виноваты, что нас потянуло друг к другу... Мне очень неловко сейчас стоять перед тобой... Ты ведь его сама любила.

Эта рыжая дрянь даже слезу пускает. Ее густые ресницы

красиво вздрагивают, и по веснушчатой щеке медленно скатывается слеза.

Очень трогательно. Так трогательно, что мне опять с трудом даются вдохи и выдохи.

— Прости меня...

— Ты ведь его сразу заприметила, да? — прищуриваюсь я. — Давай, назови это еще любовью с первого взгляда.

— Можно и так сказать, — стыдливо тупит глазки, — да, это неправильно, но любовь она не о правилах.

Я не могу оспорить ее слова, потому что я сейчас не знаю о чем любовь между мужчиной и женщиной. Я была уверена на все сто процентов, что Михаил любит меня, но это была вина и жалость.

— Я знаю, что вы были счастливы, — Алина вновь смотрит на меня со слезами на глазах, — знаю, что любили, и я уважаю ваше прошлое, Надя.

Это хорошо, что у меня сейчас нет сил на крики и драку, потому что я бы точно сейчас кинулась на эту рыжую стерву, а так под волнами слабости я выгляжу сдержанной аристократичной мумией.

Надо везде искать позитив.

— Нам всем тяжело, Надя, но ревность и злость не вернет тебе Мишу.

— Мы еще женаты, Алина, — тихо и с угрозой отвечаю я. — Ты очень милая девочка, но слишком торопишься. То торопишься меня похоронить, то торопишься к нашему раз-

воду.

Обескураженно замолкает и медленно моргает.

Я достаю рукой, что дрожит от слабости, телефон из кармана кардигана, который мне на плечи накинула медсестра, и под растерянным взглядом Алины, вызываю Михаила.

Пора рыженькую милашку поставить на место. Я не умерла и я все еще не в разводе.

— Надя? — слышу удивленный голос Михаила в смартфоне.

— Ты не мог бы приехать? — срочно придумываю причину, которой бы мой муж не мог отказать. — Завези мне те мои любимые духи... Белый флакон и со змейкой на крышечке... Ты же их помнишь?

— Я тебя не понимаю, Надя, — голос Михаила становится строже.

— Меня подташнивает от этого больничного запаха, — не спускаю взгляда с Алины. — Кстати, ты тоже любил эти духи...

Связь обрывается. Возможно, зашел в лифт, или, может, телефон выкинул в окно во вспышке раздражения.

— Он тебя давно не любит, — у Алины вздрагивает голосок.

— Возможно, — пожимаю плечами, — у Миши перевесит его вина и чувство ответственности перед матерью его детей.

Глава 12. На моих условиях

— И что же заставило тебя так резко поменять свое мнение? — Михаил сидит в кресле у окна, закинув ногу на ногу.

На двери висит платье, которое он привез по просьбе медсестры на выписку.

Я совсем о нем забыла.

Ни разу не надевала. Я его купила в один из дней, когда во мне вспыхнула глупая надежда, что все будет хорошо и что моя болезнь обязательно отступит. Купила онлайн, примерила и я кончилась на этом моменте.

Мне не понравилось как я выгляжу. Бледная, худая, поэтому я со слезами запихала его в шкаф и забыла о нем.

Именно примерка этого красного платья стала той границей, за которой началось мое уныние, а Михаил пытался тогда меня подбодрить, что выгляжу я прекрасно.

Наглый лжец. У него уже тогда была Алина. Яркая и сочная, как ягодка.

Сжимаю в пальцах плоский флакон парфюма.

— Я должна встать на ноги, — смотрю перед собой, — рядом с детьми. В родных стенах, а ты можешь проваливать.

Михаил хмыкает.

— Упустим, что это и мой дом, — всматривается в мой профиль, — но, Надюш, еще раз повторю. Ты не в состоянии сейчас заботиться о детях. Это раз. И два, с чего ты решила,

что я оставлю моих детей, с которым был именно я все это время? Если уж я уйду, то уйду с детьми, а тебя, конечно, можно оставить среди родных стен и медперсонала.

— Ты не посмеешь лишить моих детей, — перевожу на него яростный взгляд.

— Это ты пытаешься добиться того, чтобы я себя лишил моих детей, — отводит взгляда. — С чего вдруг? Если до тебя не дошло, Надя, то я повторю. Я не оставлю детей на тебя в таком состоянии. Я не исчезну из их жизни, потому что ты так решила. И когда ты встанешь на ноги, то опять же — я не испарюсь из жизни моих детей. Ты эти фантазии оставь и тон, будь добра, смени.

Мне нечего ответить. Я очень злюсь из-за своей слабости и беспомощности перед Михаилом. Я затеяла игру, которую могу не вытянуть.

— Хочешь вернуться домой? — спрашивает он. — Хорошо. Это была не моя идея бросать все и ехать к родителям.

— Но ты ее поддержал...

— Я не буду силком тащить тебя домой, Надя. Ты взрослая женщина и сама в силах принимать решения, — хмурится. — Никто тебя не выгонял из дома. Ты сама себя выгнала.

— Но ты и не рад тому, что я вернусь домой.

Михаил тяжело и снисходительно вздыхает, пристально глядя на меня, и я не могу угадать его эмоцию в уставших глазах.

— Дети ждут тебя, — Михаил не моргает, — и они рады

тому, что ты вернешься. Мне этого достаточно.

— Достаточно, чтобы меня терпеть?

— Чего ты добиваешься, Надя? — вскидывает бровь. — Скандала? Ты хочешь вывести меня из себя? Если так, то для чего? Для того, чтобы уже я принял решение, что ты не вернешься в наш дом, в нашу семью и того, что я поставлю жесткие условия нашего развода, опеки над детьми и твоей реабилитации с содержанием?

В очередной раз меня щелкнули по носу. Михаил не позволит мне кусать его, провоцировать ехидством и обвинениями.

Я вернусь домой на его условиях, а мои обиды я должна оставить при себе. Готова ли я на такое? Выдержу ли я жизнь с мужчиной, который меня разлюбил и у которого есть открытая любовница?

— Ради детей, — судорожно шепчу я, — я их верну себе... я буду рядом, и я опять стану их мамой, за которой они уйдут от тебя...

Михаил встают и через несколько секунд к моему носу и рту равнодушно прижата кислородная маска. Я не заметила, как начала задыхаться, но это заметил Миша, который смотрит в сторону окна и отстраненно говорит:

— Глубокий вдох и выдох... Не торопись...

Пытаюсь отмахнуться от его руки, и он резко наклоняется ко мне, крепче прижимая маску к лицу:

— Дыши, Надя.

Вцепившись в рукав его пиджака, я делаю медленный вдох.

— Хватит угроз, Надя, что ты встанешь на ноги, — четко проговаривает каждый слог, — начинай уже работать в этом направлении. И да, моя дорогая, сейчас перевешивает ответственность за твою жизнь и здоровье, потому что ты мать моих детей, но я не буду терпеть твоих истерик, скандалов и попыток натравить на меня сына и дочь. Не надо, Надюш, проверять мое терпение. Его за эти годы у меня осталось очень мало... Вдох-выдох... Вот так.

Убирает маску с лица, когда мое дыхание восстанавливается.

— И мои отношения с Алиной тебя не касаются, — Михаил откладывает кислородную маску в сторону, — тебя должно волновать лишь одно. Твое скорое восстановление, — смахивает с моего лба локон, — ну что, обрадуем твою маму, что ты возвращаешься ко мне и детям?

Глава 13. Какой ужас

— Это правильно, доча, — воркует мама надо мной и укладывает мои жидкие локоны, которые она старательно накрутила на плойку, — это твой дом, твой муж, твои дети... Как женщина, ты обязана отстаивать свою семью.

Я молчу.

Я не согласна.

Я бы предпочла уйти в тень, но у нас с Михаилом дети, которых я должна вновь приручить, а это возможно сделать лишь в тесном контакте и в бытовых условиях.

Они должны вспомнить, что я — мама.

— Давай, губки чуток подкрасим, — мама вытаскивает из кармана жаккардового жакета тюбик помады.

— Мне не нравится весь этот цирк с выпиской.

— Хватит бурчать.

Тихий стук и дверь распаивается:

— А вот и мы!

В палату врывается моя свекровь Инна, а за ней степенно шагает отец Михаила — Игорь.

— А где наша спящая красавица? — Инна кидает на койку сумочку и летит в мою сторону взволнованной гарпией. — Боже, какое чудо случилось!

— Ну, хоть на выписку явились, — цыкает мама.

— Вот не начинай, — Инна резко разворачивает к ней

и скрещивает руки на груди, — смысл нам был всем тут толпиться? Миша сказал, что Надя слаба и встречи для нее слишком утомительны.

Свекр проходит к креслу у окна и устало падает в него и вытягивает ноги, глядя на меня:

— Как самочувствие?

Дежурный вопрос, на который мне не надо отвечать.

Я не скажу, что свекры меня ненавидели, но и любви ко мне от них не было. Наверное, можно сказать, что они меня просто терпели.

Гадостей с их стороны я никогда не слышала, открытых конфликтов не было, но родственной близости между нами не случилось. Инна периодически пыталась играть дружелюбие к моей скромной персоне, но получалось это у нее всегда плохо и неубедительно.

Я для них была не лучшей женой для Михаила, а после того, как посмела заболеть, они просто ждали, когда ситуация разрешится моими похоронами.

Конечно, они навещали меня со скорбными лицами и говорили, что им очень жаль, но я чувствовала, что в их душах нет истинной печали.

— Тот белый гроб не пришлось заказывать, да? — мама хмыкает. — Какая досада.

Ах да, однажды Инна, за несколько дней до операции, нагрянула к моей маме с каталогом из одного элитных похоронных бюро. Она решила, что надо заранее озаботиться за-

казом красивого и дорогого гроба, потому что “похороны нашей любимой Надюши должны быть на высоте”.

— Она не должна была тебе этого рассказывать, — Инна переводит на меня сердитый взгляд. — Я не желала ничего дурного.

— Всего лишь красиво похоронить, — усмехаюсь я.

— Все мы смертные, — спокойно отзывается Игорь. — Я тоже себе уже давно выбрал гроб, между тем.

Я смотрю на свекра, а он на меня. Он не шутит, и это не попытка оправдаться за каталог их похоронного бюро.

— Мы же не могли тебя похоронить как попало, верно? — спрашивает Игорь и не моргает.

— В принципе, у меня нет вопросов, почему Миша сказал не приходить к Наде, — мама прижимает пальцы к переносице.

— Но я жива, — отвечаю я.

— Однако прогнозы были нерадужными, — Игорь пожимает плечами. — Не надо нас винить в том, что мы были готовы и к отрицательному исходу. Это жизнь.

— Вот именно! — Инна нервно поправляет свои светлые волосы, которые собраны в аккуратный пучок на голове. — Но нас в очередной раз сделают чудовищами, — фыркает и садится на край койки, возмущенно вскинув подбородок. — Надо уметь быть благодарными.

— Моя дочь жива! — рявкает мама.

— И это прекрасно! — Инна повышает голос до истерич-

ных ноток. — Кто спорит?! И я надеюсь и верю, что наша Надя не останется инвалидом! Я все эти дни молюсь только об этом!

— Кстати, какие прогнозы? — интересуется Игорь.

— По поводу? — тихо спрашиваю.

— По поводу того, встанешь ты на ноги или нет, — невозможно поясняет свекр. — Или теперь это кресло-коляска часть тебя?

— Какой ужас, — всхлипывает Инна и прижимает пальцы к губам. — Бедная девочка... — добавляет еще тише, — И бедный мой Миша... Он же с этим не смирится... Он так тебя любит... Неужели его испытания не закончились...

— Я встану на ноги, — твердо смотрю на свекра, который в ответ подозрительно щурится на меня, — и Мише не придется жить с инвалидом.

— Вы рано, — раздается недовольный и тихий голос Михаила, который стоит в дверях с огромным букетом кремовых роз. Злой, как черт, которого выдернули из самого Ада на мою торжественную выписку из больницы, — я же вам сказал приехать в три часа.

Глава 14. Не ваше дело

— Платье большевато, — свекровь наклоняется ко мне и затягивает пояс на талии, а после обращается к Михаилу и протягивает руки, — давай сюда букет.

— Вы, надеюсь, не успели поссориться? — спрашивает Миша у моей мамы.

— Мы довольно мило побеседовали, — отвечает его отец.

— Да, о том, в каком гробу вы планировали похоронить мою дочь!

Свекровь сует букет мне в руки и разворачивается к маме:

— Да сколько можно?! Господи! Я же с тобой, как мать, пришла посоветоваться! Да, вопрос был щекотливый, но насущный!

С трудом могу удержать тяжелый букет в руках, и перевожу взгляд на Михаила, который, прикрыв веки, массирует с тяжелым вздохом переносицу.

— Да будь ваша воля вы бы Надежду живьем закопали! — взвизгивает мама.

— Довольно! — басом гаркает Миша, и мне кажется, что жалюзи на окнах от его разъяренного окрика вздрагивают.

Мама и Инна замолкают, а свекр Игорь стряхивает с рукава пиджака воображаемую пылинку:

— А у тебя нервишки не выдерживают, да?

— Да, не выдерживают, — честно и глухо признается Ми-

хаил, — и давайте ситуацию не усугублять.

Интересно, он успел уже побеседовать со своей рыженькой лисой о том, что наш с ним развод отменяется и что я возвращаюсь домой, как жена и как мать?

И что на это ответила Алина?

Заплакала, закатила скандал или все же сыграла перед ним роль тихой милашки, которая понимает нашу сложную ситуацию и готова ждать, когда я встану на ноги?

Делаю ставку на то, что она не стала истерить. Если что она и понимает, так это то, что сейчас нельзя с Мишей капризничать, топтать ножками и слезами требовать, чтобы он взял и немедленно развелся.

— А ты, Миш, знал о том, что мне выбирают гроб? — спрашиваю я.

Михаил переводит на меня взгляд, от которого у меня между лопаток пробегают озноб. Зря я пытаюсь его сейчас уколоть своей тихой и ревливой язвительностью.

— Сейчас нам не о твоём гробе надо думать, Надя, — отстраненно отвечает он, пряча под спокойствием лютое раздражение, — а, например, о подъемном механизме на лестницу для твоей коляски. Или о том, что надо нанять для тебя отдельного водителя, который будет возить тебя и твою няньку на массажи, к психологу, на восстановительные тренировки.

Я приподнимаю подбородок в попытке сдержать слезы.

— Знал ли я о гробе, который наши матери не поделили?

— Михаил обнажает зубы в злой улыбке. — Знал.

— И какой гроб ты для меня выбрал?

Я сейчас подыгрываю Алине, которая в отличии от меня полна сострадания, печали, любви и принятия, но я не могу мило улыбаться и ворковать с мужем, который разлюбил меня.

— Я не выбирал тебе гроб, — четко проговаривает каждый слог Михаил и не отводит от меня мрачного взгляда, — но о разговоре об этом знал.

— Милые мои, — в наш разговор встревает Игорь и подозрительно хмурится, — смотрю я на вас и не понимаю... вы когда успели так разосраться, что разговариваете друг с другом сквозь зубы.

— Ты тоже заметил, да? — обеспокоенно отзывается Инна. — Я же тебе говорила, что Миша очень напряженный в последние дни.

— Довольно, — Михаил переводит твердый взгляд на родителей. — Нервный день.

— У тебя, милый, — печально вздыхает Инна, — этих нервных дней будет еще много.

Я, конечно, могу сейчас рассказать свекрам об Алине и о том, что у нас был разговор о разводе, но это не те люди, которые встанут на мою сторону.

Может быть, он поохает и паахает для вида, но поддержат развод, ведь у их Мишеньки со мной столько проблем было, а он заслуживает счастья.

Поэтому я молчу.

— Там столько людей, — возвращается мой папа, — все так тебя ждут, — улыбается мне, — а главврач пообещал сегодня бутылку шампанского открыть, — смотрит на Михаила, — одна проблема, Миш, — хмурится, — кое-кому, может быть, не стоит присутствовать?

— Она здесь работает, — Михаил похрустывает шейными позвонками и решительно шагает в мою сторону. Оглядывается на моего отца, — и это не ваше дело. Верно, Надя?

Глава 15. Как человек

Михаил вывозит меня в главный коридор, и меня встречают словно героиню аплодисментами и улыбками. Персонал и клиенты клиники. Я для них — искра надежды, ведь я победила страшный диагноз и возвращаюсь домой к семье.

Смерть меня не забрала, и это главное.

Держу в руках тяжелый букет и вспоминаю, как я просила в мольбах и слезах выздоровления. Я была готова заплатить любую цену, и, видимо, этой ценой стала любовь Михаила.

— Ты же наша спящая красавица, — ко мне выходит главный врач и расплывается в улыбке, — как же я рад, что ты наконец-таки оставишь нас!

Смеется, и другие тоже присоединяются к нему.

Смеется и Алина, которая притаилась за медсестрами у двери, что ведет на лестницу. Я успеваю поймать ее взгляд, который она тайком кидает на Михаила, и ее улыбка становится мягче. Она будто ему говорит:

— Я все равно с тобой. ты не можешь поступить иначе.

Ну, ангел, одним словом.

Я ей проиграю в этой битве, потому что я бы на ее месте, если бы была рыжей бесстыжей любительницей чужих мужей, обиделась на Михаила за то, что наша любовь опять должна подождать.

Я бы психанула.

Я бы поставила вопрос ребром.

Я бы не стояла на выписке жены моего любовника, потому что это унизительно, но Алина держит себя в этой ситуации очаровательной милашкой, которая все понимает. Понимает и поддерживает своего мужчину, пусть ей и сложно.

О-бал-деть.

Я аж сама почувствовала от нее волну женского сочувствия и тепла. Один только взгляд и тайная улыбка, и от нее поперла волна нежности, которая и меня зацепила.

Может, у них, правда, любовь, и я сейчас своим эгоизмом и обидой порчу жизнь двум людям, которые не виноваты в том, что они столкнулись с запретными чувствами?

Сердцу действительно не прикажешь, и как бы я не злилась сейчас на Михаила, но он был со мной рядом в болезни. Пусть не как мужчина, но как человек.

Он успокаивал мои истерики, вытирал слезы, прижимал к себе, когда я мычала и рыдала от боли, и многое другое он делал для меня, не стесняясь грязи и уродства моей немощности и болезни.

Он боролся за меня не как мужчина, но как близкий человек.

Это так больно.

Так горько.

Алина замечает мой взгляд и одаривает меня неловкой улыбкой, после которой пристыженно тупит глазки.

Если я сейчас не могу понять, играет она стыд или нет, то

какой мужик смог бы ее разгадать и понять ее меркантильные планы?

Давайте, будем честными. Мужчине очень важна женщина в его жизни. Ее тепло, ее поцелуи, ее взгляды и ее тихий шепот, который может прогнать все страхи и тревоги, а я перестала быть для Михаила женщиной.

Это не моя вина, но это не отменяет того, что Михаил потерял во мне поддержку и получил от меня боль, страх, жалость и беспомощность перед жестоким оскалом реальности, в которой умирает его жена. Умирает мать его детей.

— Ты же плачешь от счастья, да, милая моя? — главврач решительно подходит ко мне и наклоняется.

— Да, — я выдавливаю из себя улыбку и всхлипываю, — от радости.

Рука Михаила протягивает мне чистый платок, который я с трудом вытягиваю из его пальцев.

— Без общей фотографии я вас не отпущу, — главврач распрямляет плечи и оглядывается на персонал, — давайте, в темпе организуем парочку фотокарточек.

Если я и должна встать на ноги, то не для того, чтобы что-то доказать Михаилу и его Алине, которая все это время была его соломинкой.

Я должна встать на ноги, чтобы всех нас освободить от вины, стыда, сожаления и обиды.

— Как ты, милая? — спрашивает шепотом мама и обеспокоенно заглядывает в мой профиль. Говорит еще тише, —

не смей показывать этой рыжей марамошке свои слезы. Ты тут его жена.

— Мам, хватит, — прижимаю мягкий платок в влажной от слез щеке.

— Присоединяюсь к совету моей жены, — тихо цедит сквозь зубы Михаил, и в его последних словах о жене я слышу гневную издевку.

Толкает коляску и следует за главврачом:

— Это была идея твоих родителей устроить весь этот цирк. Я бы предпочел забрать тебя тихо и без лишней возни.

Глава 16. И ты подумай о наших детях

Всю дорогу я молчу на заднем сидении, глядя заплаканными глазами перед собой. Рядом лежит букет кремовых роз, который источает сладкий приторный запах, от которого меня начинает подташнивать.

И не только меня.

Миша опускает стекла, чтобы впустить в салон немного воздуха.

Тормозит на перекрестке, постукивает пальцами по баранке руля и смотрит на светофор.

Мне было чудовищно неловко, когда Михаил помогал мне сесть в машину. Это вам не на мужскую руку кокетливо опереться и нырнуть в машину с милой улыбкой.

Нет.

Я, конечно, попыталась сама встать с кресла-коляски, но слабые ноги меня подвели. Папа поймал букет, который я выронила из рук, а Михаил — меня, и вновь почувствовала его силу, проворность и быстроту: мягко подхватил на руки и посадил в машину.

И кроме его мужской удали, я почувствовала тепло его тела и горьковатый парфюм, в котором я узнала нотки полыни и древесной коры.

Идеальный выбор для мужчины, который стал для жены чужим и недоступным.

Перед тем, как он захлопнул дверцу, наши взгляды пересеклись. Я не знаю, что я почувствовала в этот момент.

Я знаю, что такое радость, что такое любовь, что такое нежность и даже отчаяние мне знакомо, но это взгляд... Он коснулся той стороны женской души, которая вздрагивает лишь тогда, когда ее мужчина отступает к другой женщине.

Миша, может быть, меня разлюбил и видит во мне лишь мать его детей, но я его любила и люблю, но теперь в моем жадном сердце, которое всегда требовало его любви и внимания до последней капли, расцвела черная боль.

Моя болезнь извратила меня в его глазах из любимой желанной жены в немощную женщину, с которой он будет рядом из-за долга, сострадания и жалости.

Это тоже своего рода любовь, но без мужской страсти, желания и жаркого стремления захватить мысли, сердце и душу.

— Надя, — Михаил хмурится на светофор, — я надеюсь... ты действительно понимаешь, что не надо сейчас с порога кричать детям, какой папа у них мерзавец и урод.

А я не могу сейчас назвать его мерзавцем и уродом.

Еще утром в мне кипела злость и ревность, но сейчас в моем сердце нет гнева. Только тоска и осознание того, что мой муж — обычный человек, который потерял меня.

Да, именно так.

Он раз за разом терял меня в моих приступах и обмороках. Терял меня смешную, веселую, активную и энергичную.

Терял меня ласковую, страстную и разговорчивую.

Терял мои шутки, объятия, тихие разговоры по ночам о всяких смешных глупостях, терял наши завтраки.

Терял мои дурачества и наши танцы по вечерам.

И врачи подтверждали его потери и убеждали в том, что мне осталось немного времени, и эти последние мгновения будут полны боли, слез и моего смертельного уныния.

Я же перед предложением смелой и инновационной операции, часами паялилась в потолок и ждала, когда уже я уйду.

Когда?

Когда я смирилась, то пришел Миша и сказал, что есть вариант. Он вышел на чокнутого нейрохирурга, который готов взяться за меня, но гарантий никаких.

Чистый эксперимент.

Я не хотела ввязываться в этот эксперимент, потому что... я же смирилась, но Михаил настоял.

Ради детей, ради того, что я смогу их крепко-крепко обнять, ради того, чтобы увидеть наших внуков, я должна согласиться. Да гарантий никаких, но и вариантов для меня больше нет.

Он уже тогда не говорил о шансе для нас, а я поняла это только сейчас. Он не говорил “ради нас”, “ради меня”, “ради того, чтобы вновь быть вместе счастливыми”, “ради нашей любви”.

Ради детей и ради того, чтобы увидеть их будущее.

— Ты уже, наверное, жалеешь, что уговорил меня на операцию, — невесело хмыкаю я.

— Ты опять начинаешь? — кидает беглый злой взгляд в зеркало заднего вида. — Нет, не жалею, и нет, вдовцом я не хотел быть.

— Алина бы с тобой не согласилась.

Михаил хмурится на дорогу, молчит несколько минут и с холодной отрешенностью заявляет:

— Алина не требует нашего развода, — сжимает руль, — и она согласна, что наши с тобой дети сейчас в приоритете. Сейчас их легко травмировать...

Вот же лиса.

Она меня раскусила. Она поняла, что я буду сейчас бороться за любовь и привязанность детей. Не за Мишу, а за Костю и Оксану, которые будут ей мешать, если она сейчас сойдется с их отцом.

Они — лишние.

Они обязаны при разводе выбрать мою сторону, и в то же время она не должна стать врагом.

— Короче, Надь, давай и ты все же подумаешь о наших детях.

Глава 17. Ты сердишься

— Меня зовут Римма, — полненькая женщина с короткими белыми волосами протягивает мне пухлую руку и мягко улыбаемся, — простите, но я должна сказать... вы такая красавица.

Я понимаю, что Римма сейчас старается меня немного приободрить комплиментами и лестью, но я прекрасно осознаю, что красоты во мне сейчас нет.

Я слабо пожимаю ее мягкую и теплую ладонь и вновь роняю руку на колени.

Что ж. Угрозы, что Миша организует мне личную няньку, исполнил, как и обещал: возню со мной он скинул на чужого человека.

Кроме этого, он организовал мою спальню и спальню Римму в двух соседних гостевых комнатах в конце коридора второго этажа по правую сторону от лестницы. Да, так правильно и логично, но больно.

Больше нет у нас с Михаилом нашей спальни и одной общей кровати. Это осталось в прошлом.

Мне надо смириться.

Поднимаю взгляд на праздничные воздушные шары у потолка и медленно выдыхаю в попытке сдержать слезы. Я ведь в любом случае не согласилась на то, чтобы проводить ночи в одной спальне с Михаилом, но тогда почему мне так тоск-

ливо?

— А раньше папа за мамой ухаживал, — заявляет Оксана, которая сидит на уголке кровати.

Тяжело вздыхает и смотрит на меня в ожидании того, что я сейчас ей объясню, почему папа решил отдать заботу обо мне чужой тетке.

— За теми, кто болеет, должны ухаживать профессионалы, — Римма разворачивается к Оксане. — Мы знаем, как поднять человека, как его правильно усадить, как его мыть... Например, я, — прикладывает руку, — очень долго училась оздоровительному массажу для инвалидов.

— А мама теперь инвалид? — в глазах Оксаны вспыхивает страх и беспокойство.

— Нет, но ей требуется специальный массаж, которому твой папа не обучался, — Римма ласково улыбается.

— А сколько он тебе платит?

— Милая, о таком не спрашивают, — тихо отзываюсь я.

Много он платит Римме. Такие личные няньки с медицинским образованием на все двадцать четыре часа в сутки без выходных стоят очень дорого.

— Достаточно для того, чтобы я без сомнений отказалась от других предложений, — честно отвечает Римма.

— Понятно, — Оксана вновь переводит на меня встревоженный взгляд, — ты больше не хочешь, чтобы папа за тобой ухаживал? Боишься, что он тебе сделает больно? Как я в прошлый раз, когда хотела обнять?

— Милая... — сглатывая я ком слез, — да, я сейчас очень слабая, и чтобы я быстро восстановилась, мне нужна помощь таких людей, как Римма. Понимаешь? И со мной будет работать не одна Римма.

— Понимаю... — Оксана кусает губы и нервно переплетает пальцы в замок на коленях, — папа говорил то же самое, — вздыхает, — говорил, что тебе нужно время, особый уход, специальная физкультура... Когда все будет нормально, мам? Обычно? Как у всех?

У меня мизинец дергается от перенапряжения. Я не имею права говорить сейчас, что очень скоро все будет хорошо. Только я встану на ноги и окрепну, так моих детей ждет новая трагедия.

— Все зависит от моей мамы, — отвечает с улыбкой Римма. Оглядывается на меня, — только от нее зависит то, как быстро она встанет на свои красивые ножки. Она должна очень стараться, — хмурится на меня, — вы это понимаете? Сейчас нельзя себя жалеть.

А мне очень хочется себя пожалеть. Я бы сейчас не отказалась полежать в темноте под одеялом и пореветь в подушку с жалобным мычанием и причитаниями, какая я бедная и несчастная.

— Мам, ты постарайся? — Оксаночка с надеждой смотрит на меня.

— Мне мама обещала, что постарается, — в комнату без стука заходит Михаил. Переводит взгляд на меня, — верно?

— Верно, постараюсь.

Оксана встает, подходит к нему и со вздохом приваливается к нему:

— Если тебе обещала, то будет стараться.

— Праздничный ужин накрыт в честь возвращения мамы,

— приобнимает нашу дочь и смотрит на Римму. — Спусти ее в столовую.

Прикусываю кончик языка, потому что в моей голове вспыхивает воспоминания, в который Михаил спускался на первый этаж нашего дома со мной на руках.

— Вы поссорились? — Оксана поднимает взгляд на Михаила.

— Почему ты так решила? — хмуро спрашивает он.

— Ты ее не целовал, — Оксана убирает со лба тонкие локны волос. — И ты сердишься. А мама грустная.

Глава 18. Все непросто

— Мама устала, — тихо, но уверенно отвечает Михаил, заглядывая в лицо нашей дочери. — Мы с тобой это обсуждали. У мамы мало сил...

— Да, — Оксана хмурится и вздыхает, — я когда ее обняла, она чуть не умерла...

Печально смотрит себе под ноги, жует губы и оглядывается на меня с тоскливым шепотом:

— Выздоровливай.

— Но меня можно взять за руку, — слабо улыбаюсь я и протягиваю ладонь. — Обнимашки ладошками, м?

Придаю голосу наигранную веселость и улыбаюсь шире до боли в лицевых мышцах. Ради детей я должна проглотить свою женскую обиду, уязвленное эго и горькие слезы по утраченной любви.

— Две ладошки, — Оксана прижимается к Михаилу и смотрит на меня исподлобья. — Надо две ладошки.

Я молча недоумеваю. Мозг у меня тоже, похоже, атрофировался за время моей долгой комы. Не понимаю, зачем моей дочери две ладони, но я с натянутой улыбкой протягиваю и вторую руку к ней.

Оксана не торопится взять меня за руки. Она поднимает взгляд на Михаила и хитро прищуривается.

— Я тебя понял, — медленно кивает он

А вот я — нет. Так и сижу с протянутыми руками и жду, когда Оксана примет мои “обнимашки ладошками”, и мне тяжело. Руки уже трясутся от слабости.

— Обнимаем маму, — Оксана со смехом сжимает мою левую ладонь.

Только я хочу отпустить правую руку, как ее мягко и решительно стискивает Михаил. Оксана смеется, довольная тем, что папа “обнял” маму через ладонь, а я замираю и не могу пошевелиться.

У Михаила рука — теплая сухая и немного шершавая. Сердце прыгает в груди, и я вспоминаю его ладонь на моей щеке, на шее и его шепот:

— Я рядом.

Только он лгал. Конечно, физически он был со мной, но все его мысли витали вокруг рыжей лисы Алины.

А каково в это время было самой Алине, когда Михаил тратил драгоценное время на меня?

— Ноя все равно обниму папу как обычно, но, — Оксана улыбается, — но уже не за себя, а за тебя. Крепко-крепко.

Мне нельзя плакать. Во-первых, слезы отнимают много сил, а меня ждет праздничный ужин. Во-вторых, зачем тревожить детское сердечко страхом за слабую бедную маму? Я должна быть для нее сильной, ведь я слишком долгое время была немошной, а затем и вовсе оставила своих детей. И, в-третьих, у нас строгая договоренность с Михаилом, что я не устраиваю лишние истерики со слезами.

Оксана отпускает мою руку, и в следующую секунду обнимает Михаила, крепко зажмурившись:

— Это от мамы.

Михаил ее тоже обнимает, целует в макушку и не смотрит на меня, а я ждала его взгляда, на который бы я ответила кривой ухмылкой. Нет, он не даст мне даже тайком выказать ему женское презрение.

Закрывать глаза и прижимает Оксану к себе:

— А мама очень крепко обнимается, да?

— Да, — пыхтит Оксана и даже краснеет от перенапряжений, — вот так она будет обниматься.

После она отстраняется и выбегает из комнаты:

— Идемте ужинать. Костик там уже всех заждался.

— Обними и Костика от меня, — говорю ей вслед. — Он будет сопротивляться!

— Ладно! Костик! — восторженно визжит Оксана. — Костик! Я иду с обнимашками от мамы! Даже если спрячешься, то я тебя все равно найду.

Вот теперь Михаил все же смотрит на меня и коротко с отстраненным одобрением кивает мне.

Что это?

Он говорит мне, что я хорошо справилась со своей ролью тихой и милой жены? Хвалит за то, что я смогла сдержать слезы?

— У вас замечательные детки, — подает голос Римма и мечтательно вздыхает, — такие лапочки.

— Я знаю, — отвечает Михаил, поправляет узел галстука и шагает к двери, хрустнув шеей.

— Вы многое пережили...

Михаил у двери оглядывается. Взгляд — холодный и стальной. Прищуривается с угрозой на Римму, и даже мне не по себе становится. И зябко.

— Ляпнула лишнего? — извиняюще уточняет Римма.

— Да, — строго отвечает Михаил. — Вы тут не для жалости.

— Поняла, — Римма заходит мне за спину. — Вырвалось. Больше не повторится.

Михаил выходит, и Римма выжидает несколько секунд, а потом наклоняется ко мне и заговорщически шепчет:

— Какой суровый, — издает добродушный смешок, — да, мужики без жен быстро колючками обрастают.

— Римма, пожалуйста, — сдавленно отвечаю я, из последних сил сдерживая в себе слезы, — я не хочу говорить о муже...

— Ясно, — толкает мою коляску к двери, — но я сразу поняла по твоему ворчуну, что в вашей семье все будет очень непросто.

Глава 19. Да что ты знаешь

Чтобы оказалась на первом этаже, надо для начала усадить меня на сидение подъемника, который затем медленно и плавно спустится по направляющим рельсам к первой ступени лестницы.

А там внизу меня ждут Михаил, Оксана и Костя.

Унизительно.

До комы во мне не было этого чувства стыда за свою слабость, немощность и меня не смущал тот факт, что мне нужна помощь, но, наверное, дело было в Михаиле. Его заботу я принимала как что-то саморазумеющееся и видела в его уходе за мной общепринятый порядок вещей. Сейчас же он стоит в стороне, платит огромные деньги чужому человеку и наблюдает с нашими детьми, как Римма придерживает меня под локоть и говорит:

— Садись, милая. Прокатим тебя с ветерком.

Как быстро Михаил нашел мне няньку и как быстро решил вопрос с подъемником. Сказал и сделал. Всегда таким был: если есть проблема, то он решит ее в короткие сроки без лишних раздумываний, сомнений и медлительности.

Я делаю шаг к лестнице.

— Надя, — Римма пытается меня остановить.

— Я спущусь сама...

Я должна. Я справлюсь. Да ноги трясутся, но я смогу.

— Надя, — хмурится вниз Михаил и с предостережением поднимается на одну ступеньку, — не время для подвигов.

Козел.

Я покажу тебе, что я — боец, и не доставлю сейчас удовольствия вновь наблюдать за тем, как меня усаживают на подъемник.

— Надя, — шепчет Римма. — Рано. Вы едва стоите на ногах, или вы хотите себе хотите шею свернуть?

— Оставь меня, — цежу я сквозь зубы.

Я хочу, чтобы мои дети увидели, что в их маме есть сила и упрямство. Я смогу. Сглатываю и делаю еще один шаркающий шаг, стиснув зубы.

Хотя бы пять ступенек.

— Надюш, — тихо отзывается Римма, — выдыхай и садись. Завтра утром тренеру покажешь, какая ты умничка.

Я устала! Сколько я была слабой и никчемной? Может быть, хватит?! Я не хочу, чтобы за мной ухаживала чужая тетка за деньги, которые платит мой муж-негодяй!

— Оставь меня! — рывкаю на нее.

Колени подгибаются, и Оксанка с Костей испуганно округляют глаза, а Михаил взбегает по лестнице, но Римма успевает ловко подхватить меня под подмышкой и мягким рывком усадить в сидение:

— Вот так.

Михаил напряженно замирает на лестнице и в ярости

смотрит на меня, а затем отворачивается и сжимает переносицу с тихим рыком:

— Да твою ж мать...

— Мам, — подает голос Костик, — не надо так.

— Может быть, она хотя бы тебя послушает, — Михаил массирует переносицу и спинку носа.

Не смогла и нескоро я смогу победить лестницу.

Я должна принять, что очнулась я не здоровой, сильной и активной женщиной, а изможденной мумией, которой тяжело даже улыбаться.

Римма нажимает на кнопку сбоку подлокотника, и сидение начинает медленно скользить вниз.

— Мы, кстати, сами тоже на этой штуке покатались, — Оксана слабо улыбается, — и папа катался...

— Папа проверял, как все работает, — тихо поясняет Костя. —

— Так, пойдем в столовую, — Михаил торопливо спускается к детям. — Там подождем маму.

Решительно приобнимает их и уводит прочь. Я жду, что они будут сопротивляться, огрызаться и скажут, что останутся с мамой, но Костик и Оксана лишь оглядываются, вздыхают и уходят с отцом.

Вот так он уведет их и из моей жизни, если решит, что я лишняя.

— Все нормально, — медленно и вровень с сидением спускается по лестнице Римма, — это обычное дело. Люди

устают от своих болезней...

— Да что ты знаешь... — я едва сдерживаю слезы.

Римма не сделала мне ничего плохого, но обида на Михаила и агрессия требует выхода.

— Знаю, что тебе тяжело, — Римма косится на меня и вздыхает, — тяжело всем вам.

— Ты ничего не знаешь, — меня начинает трясти, — ничего не знаешь ни обо мне, ни о нем...

— И ей не надо ничего знать, — раздается злой и громогласный голос Михаила, который выходит из гостиной.

После он поднимается ко мне, нажимает на кнопку на подлокотнике сиденья, чтобы остановить подъемник, и наклоняется, зло заглядывая в мои глаза:

— Сопли подбери.

Глава 20. Воля к жизни

Я поджимаю губы, а Михаил заправляет мне за ухо локон, и в этом жесте я чувствую его превосходство и покровительственность:

— Истерики тебе не помогут.

Во мне вспыхивает дикая ярость и ненависть к Михаилу. Какой же он бессовестный мерзавец. Ни капли стыда, жалости и вины. Завел любовницу, и теперь еще позволяет себе со мной говорить в подобном тоне.

Меня трясет. Собираю все силы, которые у меня еще остались, и пинаю Михаила по кости голени с тем гневом, с которым люди идут на убийство.

И быю я, похоже, Михаила сильно и больно, потому что у него подгибается нога и округляются глаза. Его ведет в сторону, он оступается и в попытке поймать равновесие на лестнице спускается на несколько ступеней. Он почти падает, но ему удается устоять на ногах.

— Мама! — летит к нам испуганный голос Оксанки. — Зачем?! Папа!

Топот ног по ступеням.

— Я в порядке, милая, — глухо отвечает Михаил.

Перевожу загнанный взор на Оксану, которая недоуменно выглядывает из-за Михаила. Проклятье. В глазах моей дочери горит растерянность и испуг. Она видела, как я пну-

ла Мишу, который чуть не упал на лестнице и не покати́лся вниз кубарем.

— Идите в столовую, — Римма улыбается в желании разрядить напряжение, — мы сейчас спустимся.

— Мама, зачем? Так нельзя! — хмурится на меня Оксана.

— Пойдем, — Михаил приобнимает ее. — Я вам говорил, что маме придется отвыкать от больницы, и что это будет для нее сложно.

— Что ты еще им сказал?!

Я аж сама вздрагиваю от своего истеричного возгласа, и Оксана оглядывается. Она в полном замешательстве от моей агрессии, криков бессилия и ненависти в сторону папы, которого она любит и который все это время заботился о ней и брате.

Он для них хороший и любимый папа, который не заслужил того, чтобы сломать шею.

— Мама...

Вероятно, Оксана сейчас видит во мне сейчас чокнутую истеричку. Тяжело дышу. Вдыхаю через нос, а выдыхаю через рот.

— Извини, зайка, — говорю тихо и напряженно, — мама немного не в духе...

— Маме нужно время, — Михаил увлекает недоверчивую Оксану за собой, — идем.

У меня нет ни власти ни над своим телом, ни над детьми, которым сейчас необходима сильная, позитивная и смелая

мама, но пока я — слабая, нервная доходяга, которая пугает гневными визгами.

— Так, ладно, а мы поехали дальше, — Римма подходит ко мне и наклоняется, чтобы нажать на подлокотнике кнопку, но я зло отмахиваюсь от ее руки.

Я понимаю, что веду себя некрасиво и что Римма лишь выполняет свою работу, но это меня и бесит. За мной теперь можно ухаживать только за деньги.

— Я сама, — говорю я и шарюсь дрожащей рукой по подлокотнику в поисках гадкой кнопки.

— Поняла, — вздыхает Римма и отступает от меня на шаг. Нахожу гладкую круглую кнопку и изо всех сил жму на нее, но она не нажимается. Она не поддается моим пальцам.

— Ну, давай же... Давай...

Римма терпеливо ждет. Почему я смогла Михаила хорошенько так пнуть, а на кнопку не в силах нажать. Что за несправедливость.

— Римма, — вздыхает внизу Михаил, — помоги уже.

— Я справлюсь, — цежу я сквозь зубы, а рука начинает трястись. — Не смей, Римма, мне помогать...

Но у меня ничего не выходит, как бы я ни старалась, и ко мне по лестнице бегом поднимается Оксана.

Она нажимает на кнопку, поднимает на меня грустный взгляд, в котором я читаю детскую просьбу не ругаться, и торопливо возвращается к Михаилу, который мельком и с предостерегающим напряжением смотрит на меня: я должна

успокоиться.

Зря я вернулась.

Я всем мешаю. Муж меня не любит, а дети за время моего лечения и комы стали ко мне насторожены.

Да я сама себя уже не узнаю и не чувствую в груди прежней Нади. Сама для себя стала незнакомкой, будто очнулась вместо меня другая женщина.

— Я так не могу, — накрываю лицо руками, когда Михаил и Оксана скрываются в гостиной. — Не могу...

— Ты должна, — строго заявляет Римма. — И правда, сопли подотри, дорогуша. Я ждала женщину-бойца, а ты кто? А? Выходить, то, что ты проснулась, была случайность, а не воля к жизни?

— Нет, это была не воля к жизни, а новая любовь моего мужа... — хрипло рычу я.

— И, вероятно, новая любовь себе не позволяет себе, — косится на меня и продолжает через секундную паузу, — кричать и пинаться с ним? Как думаешь?

Глава 21. Дыхательная гимнастика

У меня трясется рука, а я лишь третий раз подношу ложку с тыквенным пюре ко рту. Я чувствую напряженные взгляды Кости и Оксаны на мне.

В воздухе витает пряные сладковатые запахи запеченных овощей, мяса и специй.

До рта осталось несколько миллиметров, и я уже размыкаю губы, но пальцы слабеют, и я роняю ложку.

Капли тыквенного пюре летят во все стороны, и я с рыком бессилия в попытке вновь схватить скользкую ложку, неуклюже смахиваю слабой рукой тарелку с пюре и мясным суфле из индейки на кафельный пол. Звон осколков, пюре растягивается на белом кафеле уродливыми полосами, а суфле разваливается на куски.

В этот момент отчаяния для меня перестает существовать весь мир, кроме моей никчемности и дрожащих рук, которые не могут даже ложку удержать.

Я никогда не встану на ноги, и мои руки никогда не станут вновь сильными и ловкими.

Наверное, я должна была все-таки умереть, и мое пробуждение — лишь насмешка злой реальности.

— Ты специально... — перевожу взгляд на Михаила, который подливает молчаливой Оксане апельсинового сока.

— Ничего особенного не случилось, — отвечает он невоз-

мутимо, — Римма сейчас уберет.

— Ты специально, — повторяю я, — ты знал... ты все это продумал, чтобы наши дети увидели меня такой...

Да, это его хитрый план. Дети увидят, какая никчемная, разочаруются во мне и выберут жизнь со здоровым и сильным папулей.

Какой продуманный мерзавец.

— Мам, — Костя откладывает вилку и хмурится на меня, — все хорошо, — встает, — я сейчас я все уберу...

— Нет! — повышаю я голос, глядя на Михаила, который скидывает бровь, — он нанял для этого специального человека за большие деньги, чтобы я никому не была в тягость.

— Садись, милый, — в столовую заходит Римма и семенит к столу, — мама права, это мои обязанности. Сейчас я тут быстро пошуршу.

Костик медленно садится и бегло, с большим напряжением смотрит на Михаила. Ждет, что папа сейчас разрулит ситуацию, разрядит обстановку и найдет нужные слова, которые успокоят меня, но что бы он сейчас ни сказал, я все восприму, как угрозу и оскорбление.

Это несправедливо.

Если бы дети знали причину моей злости и раздражения, то они бы перестали видеть в папочке ангела с белыми крыльшками, но мне нельзя рубить сейчас правду, потому что тогда Михаил потеряет даже последние крохи приличия.

Он меня уничтожит и у меня не будет счастливой солнеч-

ной жизни с детками.

Да, план выстоять, реабилитироваться и подняться на ноги смелой и решительной красавицей в больнице казался мне простой и достижимой целью, а сейчас я понимаю — я погорячилась.

И Михаил понимал, что я в жопе, и прекрасно осознавал, что мои угрозы являются лишь глупым бравированием слабой и отчаянной женщины. Он знал, что я в любом из возможных вариантов я проиграю. Поэтому он был уверен так в своих силах.

— Дыши, — Михаил не отводит от меня взгляда, — это всего лишь обычная вспышка гнева. Вдох и выдох. Это нормально. Ребят расслабляемся.

Ненавижу.

Как же я его ненавижу, и ненавижу я его именно за то, что он хороший отец и за его ответственность передо мной, как больной матерью его детей.

Я четко осознаю, что с другим мужчиной я бы, возможно, просто умерла. Другой бы мог утонуть в любви ко мне, страхе, отчаянии и слабости, и не нашел бы хирурга, которому организовал перелет из другой страны, проживание и не договорился бы с клиникой об операции.

Именно его нелюбовь ко мне, как к женщине, позволила ему действовать с холодной головой и не терять силы при моих вспышках боли, криках и слезах. Не терять упрямство в жутких буднях с больной истощенной женой, которую ждет

смерть.

Именно за это я его и ненавижу.

Будь он просто плохим человеком, жестоким отцом, от-
вратительным и бессовестным мужем, который никому и ни-
чего не должен, у меня бы не было к нему ненависти. Было
бы принятие того, что он — человек-говно.

— Ладно, — Михаил выпрямляет плечи, — давайте все
устроим себе дыхательную гимнастику, чтобы маме не было
обидно. Римма, — строго добавляет, — тебе тоже этого не
избежать.

Римма выглядывает из-а столешнице:

— Да?

— Да.

Римма со вздохом откладывает осколки на поднос и под-
нимается на ноги:

— Ладно, я готова. Командуй.

Я слышу вибрацию, и Михаил торопливо выуживает из
кармана телефон, который тут же из его пальцев выхватыва-
ет сердитая Оксана:

— У нас правило! Никаких телефонов за столом! — фыр-
кает. — Если нам нельзя, то и тебе нельзя.

Бегло смотрит на экран, перед тем, как его выключить, и
бубнит:

— Опять эта из больницы звонит. Мама же уже дома, —
кривит моську и недоуменно смотрит на мрачного Михаила,
— чего ей надо?

— А ты ответь, — тихо говорю я и прячу руки под столешницей, — и узнай.

Глава 22. Тебе плохо с нами?

Детская боевитость Оксанки блекнет под строгим взглядом Михаила, которому явно не понравилось мое предложение ответить на звонок тетеньки из больницы.

— Я отвечу, пап? — Оксана все еще цепляется за свою смелость, которая толкнула ее выхватить телефон из рук отца. — Можно?

— Если тебе так не терпится, то ответь, — голос у Михаила твердый и сердитый.

Оксанка теряется. Неуверенно жует губы, и я понимаю, что я втянула свою дочь в конфликт с отцом.

Я поступила некрасиво и даже подло по отношению к моей девочке в желании подставить Михаила и спровоцировать его.

Мне мерзко от самой себя.

Костик теперь смотрит на меня, и взглядом намекает, что я должна вмешаться и сгладить ситуацию, но я молчу и не могу раскрыть рот.

— Мы за столом не отвечаем на звонки, — говорит Костик Оксане, — просто выключи телефон. Если это что-то важное, то перезвонят.

— Обязательно перезвонят, — цежу я сквозь зубы.

Оксана бледнеет. Она ничего не понимает, но чувствует сильное и ледяное напряжение между мной и Михаилом.

Да что же я творю?! Я же ради детей сюда вернулась. Ради того, чтобы они вновь прониклись ко мне любовью и нежностью, а я стравливаю их с отцом.

— Ладно, я отвечу, — Оксана принимает звонок и хмурится, — алло?

Касается еще раз экрана, чтобы перевести звонок на громкую связь, и откладывает телефон.

— Оксана, это ты? — раздается удивленный голос Алины. — Привет, солнышко.

— Да, я, — Оксана смотрит в тарелку, избегая моего и отцовского взгляда. Ей очень неловко. — Зачем вы звоните?

— Ты же знаешь, что мама еще на контроле нашей клиники и врачей? — воркует Алина. — Ей придется сдавать новые анализы, делать снимки головы для контроля, да?

— Наверное, — хмурится Оксана.

— Поэтому и звоню, — мило и тихо отвечает Алина, — чтобы проинформировать у твоего папы, когда у твоей мамы запланированы встречи с лечащим врачом и с хирургом, который проводил операцию. И предупредить, что новую томографию мозга надо провести через три месяца. Нужно определить дату...

Как ловко она выкрутилась. Мне надо поучиться у этой рыжей чертовки спокойствию и уверенности в этой простой игре за семью и детей, но откуда мне взять силы?

Михаил переводит на меня тяжелый и темный взгляд, в котором нет ничего кроме разочарования во мне. Истерики

истериками, но втравливать детей я не должна была. Мне зябко от его долгого и немигающего взора. Если он перестанет видеть во мне хорошую мать для наших детей, то он без сожалений выбросит меня из жизни. Он не тот человек, с которым стоит заигрывать и проверять на прочность.

Тонкий лед подо мной идет трещинами, и это я сама виновата. Это я топнула ногой по терпению Михаила.

— Солнышко, ты сможешь все это передать папе? — сладко спрашивает Алина. — Ведь папа за маму сейчас решает, планирует и запоминает все эти сложные вопросы.

— Папа рядом, — Оксана шмыгает. — И мама. Мы ужинаем.

— Здравствуй, Алина, — говорит Михаил и откидывается назад на спинку стула. Смотрит перед собой, — значит, уже известна дата прилета нашего хирурга?

Я опускаю взгляд и закрываю глаза. Пусть он сейчас говорит отстраненно, но я чувствую в его голосе тихую ласку и радость ее звонку.

— Да, через неделю прилетит, Михаил, — Алина тоже отвечает вежливо и без тени фамильярности, но я все равно чувую вибрации мягкой и тайной нежности. — Раньше не может, но свежие снимки Надежды его порадовали.

Я сама пригласила Алину за наш стол. Пусть физически ее тут нет, но ее голос звучит в столовой, и этому поспособствовала я. Сама.

Похоже, мне с опухолью вырезали еще и кусок мозга, раз

я стала такой идиоткой, которая играет против самой себе и против детей.

— Я думаю, что нам надо вернуться к ужину, — тихо говорю я и перевожу взгляд на Римму, — и да, ты оказалась права, рановато для обычных приборов и тарелок. Что же, неси мою бутылку с соской и слюнявчик.

Горько усмехаюсь.

— Ну, — вздыхает Михаил, — мы всего-то обошлись одной разбитой тарелкой.

— Это мелочи, — дружелюбно отзывается Алина, которая все еще на связи.

— Ты еще тут?! — повышаю голос. — Какая же ты наглая!

Костя торопливо хватается телефон со стола и сбрасывает звонок. Откладывает смартфон и смотрит на меня:

— Мам, тебе тут... дома с нами плохо, да?

Глава 23. По моим правилам

— И ты не хотела возвращаться домой, — Оксана хмурится, и под моим взглядом виновато тупит глаза в тарелку, — ты когда вернулась... не радовалась, не улыбалась...

Римма торопливо собирает с пола последние осколки, тряпкой собирает основную массу тыквенного пюре у колес моей коляски.

Я не знаю, что ответить детям кроме правды, которая рвет меня изнутри, но если я раскрою рот и решу посвятить Оксану и Костю в интрижку отца, то мне жопа.

Миша прихлопнет меня как муху.

Я это знаю, и, если честно, то будь на его месте, то тоже не позволила бы втягивать детей в наши разборки, потому что дразги взрослых не должны касаться младших членов семьи. Это не их зона ответственности, но как же хочется через них отомстить Михаилу.

Хочется детских криков “я ненавижу тебя, папа!” и ярости в их глазах, но как это поможет мне встать на ноги? Наоборот, все станет хуже. Я сейчас недееспособна, и опеки над детьми мне не добиться, а у Михаила есть деньги, власть, связи и сильные адвокаты.

Я останусь ни с чем и не будет у меня дорогостоящей реабилитации с нянькой, психологами, личными тренерами, массажами и прочим удовольствием.

Так что мне важнее? Правда или дети с реабилитацией, без которой я могу остаться инвалидом, если не восстановлю силу мышц? Да, у меня есть неиллюзорный шанс не встать на ноги без помощи хороших специалистов.

— Мама, наоборот, очень хотела домой, — заявляет Михаил и тянется к телефону, который он затем прячет в карман, — у нее было несколько вариантов после больницы. Мы могли ее направить в специализированный центр на несколько месяцев полной реабилитации, но она решительно отказалась от этой идеи.

— Потому что мне там не место, — тихо отвечаю я, с трудом сдерживая слезы, которые уже начинаю разъедать глаза. — Ты это не понимаешь? Там чужие люди!

— И ты здесь, Надя, — Михаил переводит на меня строгий взгляд, — среди родных. Ты дома.

— Ты ведь специально сейчас сказал о реабилитационном центре, да? — меня начинает трясти, — чтобы вложить в голову наших детей, что от меня можно избавиться?

Черт.

Я похожа на свою бабушку, которая в старческой деменции винила всех вокруг, что они хотят от нее избавиться и упечь в психушку. Даже истерические нотки в голосе у меня те же.

— Мам, — Костя не отводит от меня настороженного взгляда, — мы тебя ждали домой. Мы не хотим от тебя избавляться. Зачем ты такое говоришь?

— Милые, мы же с вами говорили, что маме будет сложно...

— Правда?! — перебиваю Михаилу. — Сложно?! Да что ты знаешь?! Да что ты знаешь о моем сложно? О моем больно?! О моем страшно?!

Оксана прижимает к ушам ладони и крепко зажмуривается:

— Не ругайтесь... не надо...

— Надя, все же... сделай вдох и выдох, — говорит Михаил спокойно, но я все равно слышу нотки звенящей стали. — Это твое правило было, милая, что за столом мы забываем о ссорах и конфликтах. И я знаю, что тебе сложно и больно, Надя, но я стараюсь. Правда, стараюсь, — его голос становится ниже и тверже, — но ты не хочешь этого понимать.

— Ты хотел моей смерти...

Вот тут Костик не выдерживает. Встает из-за стола, кинув на меня опасливый взгляд, берет за руку Оксану и спешно уводит за собой:

— Идем. Ты же хотела поиграть в мою новую приставку. Вот и поиграешь.

— Правда, можно? — Оксана недоверчиво смотрит на него. — И ты мне поставишь ту игру с монстрами рогатыми?

— Тихо, — Костя понижает голос до шепота. — Тебе же в такое еще играть нельзя.

— Да тебе так-то тоже нельзя, — говорит вслед Михаил. Костя оглядывается:

— А ты ничего не слышал, — Костя оглядывается у двери.

— Я ничего такого не говорил.

— Ладно, — милостиво соглашается Михаил, — я ничего не слышал.

— Хватит играть хорошего папочку, — шиплю я в его сторону, когда дети выходят из столовой, — что ты устроил?

Михаил переводит на меня невозмутимый взгляд, медленно моргает и тяжело вздыхает, намекая, что я начинаю его подбешивать.

— Я ничего не начинал, Надя, — смотрит на меня в упор. — Это ты. Все — ты. Для чего ты вернулась домой? Для скандалов? Для того, чтобы детей пугать? Чтобы детей настраивать против меня?

Мне становится тяжело дышать. Выдохи и вдохи сбиваются, и Михаил это видит, но не кидается ко мне, чтобы приложить кислородную маску к лицу.

— Ты хочешь, чтобы я стал для тебя врагом, Надя? — он щурится. — Чтобы я перестал видеть в тебе женщину, которую когда-то любил, и чтобы я потерял к тебе уважение?

Вдохи все короче и короче.

— Давай я популярно тебе объясню, — он встает и неторопливо подходит ко мне. Наклоняется и щурится, — ты остаешься тут на моих правилах, а мои правила простые. Ты перестаешь истерить, берешь себя в руки, как бы тебе больно и обидно ни было. Тут всем уже очень давно больно, обидно и тяжело. Хочешь верещать, хочешь кричать и плакать, что

жизнь несправедлива, то, может, тебе еще рано быть рядом с детьми, которым нужна не слабая и сопливая истеричка, а мать.

— Не смей... — задыхаюсь.

— Завтра у тебя еще встреча с психиатром, — Михаил всматривается в глаза. — Пусть он оценит твое состояние. Ты меня начала серьезно беспокоить, дорогая, — подхватывает кислородную маску с крючка подлокотника и прижимает к моему лицу, — а теперь... глубокий вдох и выдох.

Глава 24. Тебе не стыдно?

Римма катит меня по коридору к двери кабинета Михаила. Сегодня прошел мой первый день реабилитации, встреча с психиатром, в общении с которым я не смогла сдержать себя от криков, от претензий, от угроз, от слез и паранойи, что Михаил хочет избавиться и упечь меня в психушку.

Это были тяжелые два часа, и теперь я сама думаю, что со мной точно что-то не так. Что при операции в моем мозгу точно что-то задела, и теперь я обречена на вспышки агрессии, слезы и дикое отчаяние.

— Надя, это был всего лишь первый день, — меланхолично говорит Римма, — ты должна понимать, что не сразу все получится.

Ах да. Отдельных слез заслуживает то, что мои сегодняшние “тренировки” были полны боли, немогущности и глупых подбадриваний от персонала, что у меня все отлично получается, но чувствовала я себя тараканом с перебитыми лапками.

— Я сегодня смотрела на вас и вы...

— Большая молодец, — уныло заканчиваю я. — Ага. Не утруждайся.

С моих тренировок мысли перескакивают на Михаила, у которого в распоряжении был целый день. Он успел встретиться сегодня со своей рыжей лисичкой и пожаловаться на

меня, как я его достала с криками и слезами? Получил порцию ласки, поцелуев, объятий и слов, что все будет хорошо? Успокоил ли он свое сердце?

У двери кабинета я поднимаю руку, требуя того, чтобы Римма остановилась и не смела стучать, ведь я слышу голос Михаила. Он с кем-то говорит.

Да, я хочу подслушать. Конечно, это неправильно и жалко, но мне уже все равно. Унижения за унижениями, и я уже смирилась, что я убогая и никчемная букашка в жизни Михаила и что у меня нет никакой гордости.

Если бы она у меня была, то я бы не вернулась в этот дом, где теперь нет любви ко мне, уважения и даже жалости.

Римма подчиняется моему немоу приказу. Может, ей самой любопытно, с кем говорит Михаил, а, может, она пытается сейчас заработать мое расположение. Все же ей платят и за то, чтобы она нашла со мной общий язык и стала подружкой, чтобы мне было кому поплакаться и доверить свои страхи. Нянька на то и нянька, что не только помогает сесть на унитаз, но и морально поддержать должна, в пусть и в подслушивании.

— Перестань, — Михаил ласково смеется и затем заинтересованно замолкает на несколько секунд, а затем говорит, — ну... Ладно... раз ты не можешь выбрать, то... я бы хотел, чтобы ты сегодня спала в той черной коротенькой ночнушке.

Усмехаюсь беззвучно, а Римма чихает. Она делает это специально, чтобы подать Михаилу знак, что пора сворачи-

вать интимные и игривые разговоры с лисичкой.

— Жду, — говорит Михаил, совсем не сконфуженный громким чихом, — да, я должен идти. Да.

Вероятно, Алина поняла, что Михаил обрывает разговор на самом интересном из-за больной и противной жены, но она не взбрыкнет, потому что она играет вдолгую. Она умеет ждать, умеет расставлять приоритеты и понимает, в чем именно сейчас нуждается Михаил.

В игривости, принятии, заботе, поддержке и женской покорности, в которой никто не будет на него кричать в истерике, обвинять, что он моральный урод и предъявлять претензии.

Со мной — он злой и уставший родственник, который хочет вернуть детям здоровую мать, а с Алиной он — мужчина.

Крутой, красивый, властный и желанный мужик, которому помурлыкают в ухо, подарят сладкое удовольствие и уткнуться носиком о небритую щеку со словами:

— Я рядом, Миша, пусть и ненадолго.

— Римма, это ты? — напряженно спрашивает Михаил, и выдергивает меня из горько-слащавых, как дикий паслен, фантазий. — Ты с Надей?

Ну да. Видеть жену после милого и шаловливого разговора с любовницей не хочется. Наверное, это даже противно до тошноты смотреть на тощую, бледную каланчу в кресле-коляске.

— Конечно, с Надей, — говорю громко и отчетливо, — К

твоему большому разочарованию.

Я, кажется, слышу его утомленный вздох, но через несколько секунд дверь открывается передо мной.

— Здравствуй, Надюш, — смотрит на меня сверху вниз и натянуто улыбается, вскинув руку в сторону массивного дубового стола, — прошу. Я, кстати, все равно хотел с тобой поговорить, ведь у тебя был сегодня важный день.

Отходит в сторону, и Римма аккуратно вкатывает меня в кабинет, в котором у нас однажды случилась дикая, страстная близость. На этом самом столе. Я крепко зажмуриваюсь и чувствую, как краснею, потому что воспоминание всплыло слишком яркое и подробное. Я даже почувствовала на шее влажные и горячие поцелуи-засосы, которые я потом прятала под шарфиками.

— Что с тобой? — спрашивает Михаил.

Риммы уже нет в кабинете, а мой муж садится в кресло за стол, на котором, как выражаются некоторые, драл меня, озверев от внезапной похоти, что захватила его, когда я вошла в его кабинет голая и невозмутимая с чашечкой кофе. Дети были у бабушки с дедушкой, и я решила, что можно подразнить мужа, который опять засел за свои бумаги.

— Надя, — Михаил хмурится.

— Я хочу, чтобы ты выкинул этот стол, — сдавленно говорю я. — Как ты можешь за ним сидеть и... ворковать со своей новой любовью? Тебе не стыдно перед ней? У тебя совсем совести нет?

Глава 25. Лишь по документам жена

Михаил недоуменно приподнимает бровь и озадаченно спрашивает без тени насмешки или снисхождения:

— А стол тебе чем не угодил?

Он реально не понимает, о чем я сейчас возмущаюсь. Забыл? Моя болезнь и кома стерли из его памяти то, что я была для него привлекательна, что он жаждал со мной близости и что эта близость между нами была яркой и очень активной?

Я краснею пуще прежнего и молчу.

Да, он забыл.

Я действительно перестала быть для него женщиной.

— Я тебя не понимаю, — Михаил хмурится на меня, — и ты опять злишься.

Ловлю себя на мысли, что он сейчас ведет со мной диалог, как с капризной больной дочерью, которая впадает в уныние, но не как с женой.

— Так, — он встает и отходит к книжному шкафу, — я попытаюсь тебя понять.

Задумчиво смотрит на стол, потирает подбородок, растерянно вскинув брови, и устало вздыхает.

Забыл. Потому что та часть жизни, в которой мы наслаждались друг другом, давно ушла из нашей семьи, и остался

лишь долг, тоска, страх и жалость.

— Неважно, Миш, — сглатываю.

Кидает на меня беглый взгляд, а затем вновь на стол. Хмурится, и через пару секунд его брови опять приподнимаются.

Черт, кажется, вспомнил, потому что он переводит на меня взгляд, в котором нет привычного для него раздражения, но есть тень изумления.

У меня начинают гореть уши.

— Вот ты про что, — заявляет Михаил и возвращается за стол.

— Да твою ж дивизию, — отворачиваю лицо в сторону окна и сердито поджимаю губы.

Михаил откидывается на спинку кресла, покачивается в нем, глядя на меня с толикой мужского замешательства, которое просыпается тогда, когда женщина проявляет излишнее кокетства, и говорит:

— Нет, стол я не выкину.

Закрываю глаза, выдыхаю, но все же не в силах сдержать себя со злобного взгляда, которым бы я могла испепелить Михаила, если бы у меня был дар к огненной магии.

— У меня нет претензий к этому столу, Надя, — он пожимает плечами, — Я к нему привык. Он удобный, устойчивый, крепкий...

Замолкает, и мы около минуты смотрим друг на друга в неловком молчании. Горячее смущение идет медленной волной румянца на шею, а затем я чувствую то, чего не чувство-

вала очень и очень давно.

Тот жар, от которого тяжелеет низ живота при жадном глубоком поцелуе или когда под блузку ныряет теплая нетерпеливая рука, а ухо обжигает выдох:

— Я тебя хочу.

— Римма! — рявкаю я. — Забери меня!

Я пугаюсь, потому что для меня этот теплый всплеск в теле и сладкая слабость в ногах, стала за годы болезни чужеродны. Это не мое.

Я — это боль, злость, страх, даже ненависть, слезы, но никак не смущение, возбуждение и жар там, где давно уже все заснуло.

Да это возмутительно!

Я сижу в инвалидном кресле, я с трудом поднимаю руки, но мне захотелось постельных утех с уродом, который ждал моей смерти.

— Я тут, — дверь позади меня открывается. — Что ты так кричишь?

— Римма, она останется, — Михаил закидывает ногу на ногу, — мы не успели поговорить.

— О чем поговорить?! — повышаю я голос, чтобы скрыть свой стыд.

— О том, что реабилитация уже дает свои результаты, — самодовольно усмехается Михаил, а Римма бесшумно исчезает за дверью. — И разве не ты сама ко мне явилась? Видимо, у тебя ко мне было какое-то дело?

Может быть, мои сегодняшние муки на беговой дорожке и на коврике для йоги, а после крики от боли на массаже у мрачной тетki, которая сказала, что жалеть меня не будет, действительно дали результаты.

Я наклоняюсь, снимаю с ноги туфлю на низком аккуратном каблучке, а затем запускаю в Михаила, потому что он меня, сволочь, бесит.

Силы во мне еще мало, и туфля не долетает до цели, а падает на стол.

— Ясно, — Михаил подхватывает мою туфлю и аккуратно ставит ее рядом с закрытым ноутбуком. Поднимает на меня взгляд. — Ты опять пришла сказать, какой я козел?

— А ты с этим не согласен? — дышу тяжело.

— Я смирился с этой участью уже давно, Надя, — хмыкает.

На столе коротко вибрирует телефон. Еще раз. И еще. Но Михаил и бровью не ведет и продолжает пристально смотреть на меня.

Вероятно, Алиса прислала ему фотографии в соблазнительной ночнушке, чтобы подразнить любимого на ночь.

Еще одна вибрация, и я не выдерживаю:

— Она тебе, поди, свои наливные яблочки прислала.

— Это тебя не касается, — голос Михаила становится жестче.

— Я еще твоя жена, — прищуриваюсь, — так что, очень касается.

— Лишь на бумагах жена, — говорит, не отрывая от меня взгляда, — ты не забыла? Я просто согласился с твоим капризом, что на наш бракоразводный процесс ты должна явиться на своих ногах, а не на колесах.

Затем он после очередной короткой вибрации все же подхватывает телефон, и переводит взгляд на экран. Что-то листает большим пальцем. Лицо каменное, и мне не понять, на что он так внимательно смотрит.

— Если у тебя на этом все, Надя, — наконец заявляет он, — то ты свободна, — вновь его пристальный взгляд направлен на меня. — Думаю, теперь тебе стоит уделить время нашим детям.

Глава 26. Я тебя не понимаю, мама

— Может, тебе с уроками помочь?

— Я их сделал, мам, — Костя неловко улыбается и крутится в своем кресле, чтобы скрыть подростковое смущение, которое появляется при общении со взрослыми, с которыми нет общих тем. — Я их давно сам делаю.

— Ну да...

Я будто потеряла в болезни и в коме мамскую часть, которая знала, как взаимодействовать с сыном, как правильно его любить, чтобы мое внимание к нему его не смущало, а согревало.

— А как дела в школе?

— Нормально, — пожимает плечами. — Двойки, как я тебе и обещал, больше не получаю.

Я недоуменно вскидываю бровь. Не совсем понимаю, о чем речь, а Костя печально и с тенью разочарования вздыхает:

— Я тебе это обещал, когда ты... ну... спала?

— Когда была в коме?

— Да, — отводит от меня взгляд. — Я в прошлом году скатился. Двойки-тройки... Ну и... Папа привел меня к тебе, рассказал тебе про мои оценки, драки...

— Вот как?

— Он сказал, что ты все слышишь, и что когда ты

проснешься, то вернешься домой с ремнем, — поднимает на меня сердитый взгляд. — Я поверил, и мне стало стыдно. А ты не слышала... — хмурится.

— Нет, милый, не слышала, — слабо улыбаюсь я.

— Не слышала, — повторяет Костя. — То есть... хм... — опускает взгляд и через секунду вновь смотрит на меня, — может, что-нибудь чувствовала? Как это было?

— Заснула при наркозе и проснулась. Других миров не видела, ничего не слышала... Я моргнула, и прошло больше года, — пожимаю плечами.

— А когда у тебя ковырялись в мозгах, ты тоже ничего не чувствовала?

— Ковырялись в мозгах? — переспрашиваю я, и с моих губ слетает короткий смешок. — Нет, ничего не чувствовала. Я же была под наркозом.

— Ну да, — Костя тушует и опять замолкает.

В комнату просачивается Оксанка, которая затем с разбега падает на его кровать и переворачивается на спину, раскинув руки в сторону:

— Сейчас ты меня не выгонишь, — и хитро так улыбается. — Не будешь кричать на меня, потому что маму нельзя расстраивать. И дай поиграть в приставку.

— Не наглей, — отвечает Костя, и сейчас он сильно похож на отца, который с такими же нотками строгости пытался утихомирить мои истерики и слезы. — И я же просил стучаться.

Оксанка кривит лицо и показывает ему язык, затем смотрит на меня и резко садится:

— Я слышала, как Костик матерится.

Костя медленно выдыхает и переводит злой и возмущенный взгляд на сестру-ябеду, которая расплывается в довольной улыбке. Ей всегда нравилось дразнить брата.

— Сейчас скажу, какие слова он говорил, — вскакивает с кровати и решительно шагает ко мне.

— Оксана, — шипит Костик, — приставку ты больше не увидишь.

— Ну и ладно.

Дверь вновь открывается. В комнату заглядывает Михаил, и Оксанка замирает, наклонившись ко мне и прикрыв мое ухо ладошкой.

— О чем секретничаете? — напряженно спрашивает Миша.

Пришел проконтролировать, рыдаю я или нет? Сдала ли я его и хитрую лису Алису детям в порыве злости?

— Про то, что Костик матерится.

— Ты ведь мне уже рассказала.

— Маме тоже надо знать, — Оксана с вызовом шуруется.

Костик закатывает глаза и устало вздыхает.

— Ты просто хочешь повторить эти плохие слова, да? — Михаил тоже шуруется. — Ты эти слова бабушкам и дедушкам повторила, всем своим учителям... — делает паузу и говорит тверже, — директору.

— Да, — Оксана распрямляется и упирает руки в боки, — я дала директору слово, что никогда вот так материться не буду.

Перевожу растерянный взгляд на Михаила, который едва сдерживается от смеха.

— Но будешь по-другому материться? — спрашивает он.
— Так, что ли?

— Так-то я выругался мягко и нежно, — Костик усмехается. — Можно куда жестче выражаться.

— Я тебе дам, Костя, жестче, — Михаил повышает голос, а в глазах Оксанки вспыхивает любопытство. — Я тебе точно рот с мылом вымою в следующий раз.

— А как еще можно ругаться? — тихо спрашивает Оксана отца. — Скажи, чтобы я знала, как нельзя. Вдруг случайно и по незнанию скажу то, что нельзя?

И пытается сыграть взрослую рассудительность, которая точно должна впечатлить Михаила, который возмущенно скидывает бровь.

— Может, ты и еще запишешь? — хмыкает Костя.

— Не подкидывай младшей сестре идеи, — брови Михаила ползут на лоб. — Она сейчас пойдет и заведет матершинный дневник, который начнет потом показывать всем вокруг, чтобы другие знали, как нельзя ругаться.

На пару секунд мне кажется, что я вернулась в прошлое, в котором меня согревали наши теплые разговоры с детьми, шутки и наивность Оксаны и Костика, но Михаил выдерги-

вает меня из иллюзии и бросает в холодную пропасть реальности:

— За мамой присмотрите?

На мой недоуменный взгляд он терпеливо поясняет молчаливым Костику и Оксане:

— Мне надо уехать на несколько часов.

— Куда? — Оксана смахивает локон со лба. — Поздно уже. Мне скоро спать.

Костик подозрительно молчит, а я не лезу со своими ехидными замечаниями, потому что Миша с Алиной, которая, видимо, все же смогла его соблазнить, сейчас подыгрывают мне и подталкивают детей под мое слабое крыло.

— По делам, — иду на помощь Михаилу. В душе гадко ото лжи и манипуляции, на которую я вынуждена идти. — Надо встретить важных партнеров по бизнесу из Чехии. Представляете, прилетели на день раньше.

И улыбаюсь. Поверят или не поверят?

— Какие дураки, — разочарованно подытоживает Оксана. — Как можно перепутать?

Когда Михаил исчезает за дверью, Костя переводит на меня тяжелый и осуждающий взгляд, который я с трудом выдерживаю.

Он понял, что я выгораживаю отца.

— Я тебя не понимаю, мам, — наконец говорит он. — Ты не хочешь, чтобы... все было как прежде? Зачем ты отпускаешь его?

Глава 27. Чтобы оба боролись

— Кость... — я слабо улыбаюсь.

Сынок не поверил в мою ложь и, похоже, подозревает, что между мной и его отцом встала другая женщина.

— Я думал, что ты вернешься и все будет как раньше.

Оксана напряженно смотрит на брата, потом на меня и шепчет:

— И вы теперь будете ругаться?

А затем зло топает к двери:

— Надоели. И я не буду, — оглядывается на нас с Кости-ком, — это слушать.

Фыркает и выбегает из комнаты. Костя продолжает смотреть на меня исподлобья. Он меня винит, что у нас в доме нет больше того уюта, который согревал каждого из нас.

— Кость, папа уехал по делам, — упрямо гну свою линию лжи и вранья.

Но не из-за Михаила и желания выгородить его в глазах сына, а потому что сама не смогу сказать правду, что папа разлюбил меня и теперь у него другая тетя.

Это больно, и не мать должна говорить такие вещи сыну, а его отец, который как раз и разлюбил маму.

А мама до сих пор любит.

— Мы ждали тебя и думали, что все вернется, как было, — говорит Костя, — я ждал. Я думал, что ты все исправишь,

мам, а ты...

— Что я? — повышаю я голос.

— Дома стало еще хуже, чем было! — вырывается из груди Костика отчаяние, и он аж вскакивает на ноги.

Замолкает, и сейчас он — детская копия Михаила. Меня это даже пугает на несколько секунд, потому что в глазах сына горит та же темный гнев.

Я понимаю, что зря приехала домой. У меня не выйдет бороться за детей, когда в душе бурлит ненависть, ярость и презрение к Михаилу. Эти эмоции отравляют не только меня, но и моих детей, которые сейчас нуждаются в любви и надежде, а не злобных взглядов в сторону их отца на молчаливом завтраке.

Вместе со мной в дом пришло женское отчаяние, а нерешительность и уверенность, что все будет хорошо.

— Ты еще маленький, не понимаешь...

— Не понимаю того, что вы решили развестись? — шипит Костя. — не понимаю того, что вы сдались?

— Костя...

— Мне пофиг! — рявкает Костя. — Я свалю от вас! В закрытый математический лицей!

— Это идея твоего отца избавиться от тебя? — сжимаю кулаки.

У этого урода все было продумано? Старшего сына в школу-интернат, чтобы не путался под ногами,

— Это моя идея! — рычит Костя. — Я тут был только

ради него и тебя. Я ждал, что вернешься, но... — в его глазах блестят слезы, — это было глупо!

Я понимаю его детскую наивность, которая верила, что когда мама проснется и когда она вернется домой, то папа сам очнется от отчаяния и вспомнит, что никто ему кроме мамы-то и не нужен, но реальность оказалась другой.

Теперь надежда для Кости умерла, и он хочет сбежать от боли, страха и скандалов между родителями, ведь у него нет власти над нашими отношениями. От него ничего не зависит.

— Ты оставишь меня? — иду на жестокую материнскую манипуляцию, от которой мне самой противно, но я не хочу терять своего мальчика.

Я не для этого вернулась, чтобы мой сын уехал в частную школу. Я и так потеряла много времени и упустила важные моменты его взросления.

— Не хочу, чтобы вы еще цапались из-за меня, — решительно смотрит на меня. — Чтобы выясняли, с кем я должен остаться, или на какие недели у кого я остаюсь.

Копия отца. Упрямый и умный мальчик, который умеет сам принимать решения и не вестись на манипуляции, которые могли бы любой другой голове посеять чувство вины перед матерью.

— Два выходных раз в месяц, — щурится на меня. — Один выходной твой, а один — папин. И каникулы пополам.

И ни у Миши, ни у меня не будет возможности переубе-

дить Костю в его решение справиться с потерей семьи вот таким жестким и кардинальным образом.

— А как же... — я иду на вторую манипуляцию, но лучше бы я откусила себе язык, — Оксанка? Ты и ее бросишь?

Будь у меня сейчас возможность, то я бы сама себя отхлестала с криками, что я дура и что я не имею права говорить такие слова сыну. Где моя родительская адекватность? откуда во мне взялась эта эгоистичная дура, которая готова и собственных детей готова давить на жалость и вину, лишь бы удержать их возле себя?

— Оксанке в наследство останется моя приставка, — Костя недобро усмехается, — а, может, со мной напросится в другую школу. В ту, которую я хочу, берут с пятого класса. Есть два пансиона. Для девочек и для мальчиков.

Костя все продумал, и велика вероятность того, что Оксана последует его примеру и уйдет за ним, потому что он старший брат, а старшие братья знают лучше, как жить, когда все плохо.

— Я ведь не виновата, Костя, что все так... получилось, — если я сейчас моргну, то разрыдаюсь, — ты ничего не понимаешь, но потом поймешь...

Да, я могу устроить истерику, с криками очернить Мишу, но это никак не поможет мне удержать Костю. Он все решил, и он будет стоять на своем.

Это в нем говорит отцовская кровь.

— Ты хочешь, чтобы я боролась за твоего отца? — задаю я

вопрос, который режет мои голосовые связки обидой и тоской.

Костя резко отворачивается от меня, чтобы спрятать свои слезы, ведь мальчики не плачут. Тем более в его возрасте.

— Чтобы вы оба боролись. Ты и папа.

Глава 28. Ответь на вопрос

Щелчок, свет слепит глаза, и раздается хрипловатый голос Михаила

— Что ты тут забыла? И почему ты в темноте сидишь, Надя?

А я сижу и жду Михаила в нашей спальне, из которой меня взяли и нагло выселили в гостевую комнату.

Я уже успела в темноте всплакнуть над воспоминаниями, в которых в нашу спальню забегали дети и просились под предлогом кошмаров поспать с нами. Мы с Михаилом вздыхали, но разрешали заползти под теплое одеяло и улечься между нами, а после заснуть с милыми умиротворенными моськами.

— Вернулся? — спрашиваю я.

Два часа ночи. Я знала, что он не останется у Алины, и вернется домой, потому что он — хороший папа, а хорошие папы обязательно присутствуют на завтраке и развозят потом детей по школам.

— Мог бы остаться, — хмыкаю я.

Пытаюсь отыскать на нем следы Алины: засосы, губную помаду, царапины, но так сразу ничего в глаза не бросается. Рыжая лиса не тупая любовница, которая оставляет следы на чужом муже в насмешку для жены. Она знает и понимает, что Михаил не оценит такие вольности. Знает и очень акку-

ратно играет. Не подкопаешься.

— Надя, — Михаил хмурится и стягивает пиджак с плеч, — я устал. Нет у меня сил сейчас вести с тобой разговоры.

— Твоя милая лисичка тебя вымотала? Всего несколько часов, и ты никакой?

Михаил стискивает переносицу и медленно выдыхает, а мне почему-то становится неловко и даже стыдно за свое ехидство перед ним.

— Чего тебе, Надя? — он, наконец, поднимает взгляд. — Я тебя внимательно слушаю.

Откидывает пиджак на кровать и скрещивает руки на груди. Такой родной и одновременно чужой.

Как так получилось?

— Костя знает о твоих гуляках, — я тоже скрещиваю руки на груди. — И знает, что у нас в планах развод.

За секунду глаза Миши становятся черными-черными от гнева:

— Ты все-таки не смогла держать свой рот закрытым? — рычит он.

— Я ему ничего не говорила, — тихо и зло отвечаю я. — Ему не три года, Миша. Он не тупой.

Михаил вглядывается в мои глаза в попытке понять, правду ли я говорю или лгу, прикрываясь сообразительностью сына, и на его щеках начинают недобро играть желваки.

— Знаешь, что он мне сказал?

Миша молчит и зверем смотрит на меня. Ждет моего от-

вета.

— При разводе он ни с кем из нас не останется, — к горлу опять подкатывает ком слез, — вот так. Ни с кем. Он решил уйти от нас в частную школу, а для нас оставит по одному выходному в месяц.

Миша продолжает молча смотреть на меня, не мигая и не шевелясь, будто готовится накинуться на меня и разорвать в клочья.

— Мы потеряли его, — усмехаюсь я. — Я потеряла его благодаря тебе.

— Чего ты от меня сейчас ждешь? — сдавленно спрашивает он, будто ему в печень вогнали заточку. — Если он так решил, то мне его не переубедить.

Минута молчания, и я выпускаю из себя яростный крик, позабыв, что сейчас ночь и что дети спят.

Женская боль забивает разум железными битами, и я не осознаю, что мои крики могут услышать Оксана и Костя.

— Я хочу, чтобы все было иначе! Чтобы мое пробуждение было радостью! Чтобы я была радостью, а не обузой! Я хочу, чтобы ты меня любил! И если бы ты меня любил, то все было бы по-другому! Понимаешь?

— Если бы все было так, как ты хочешь, Надя, — отвечает Миша тихо, но под его ровным тоном я слышу бурлящую злость, бессилие и желание так громко орать, чтобы вылетели стекла из окон, — то тебя бы похоронили в красивом белом гробу, а наших детей разобрали бы бабушки и дедушки,

потому что я... — он скалится в жуткой улыбке, — спился бы.

Меня пробирает озноб.

— Я ведь вместе с тобой умирал, Надя, — он делает ко мне шаг, и вижу перед собой не Михаила, а безумца, — и ты это знаешь. Моя любовь к тебе дарила мне не счастье, а страх и дикую вину, что я ничего не могу сделать. Я не спал ночами, просто лежал и чувствовала, что эта сраная болезнь заберет и меня. Моя любовь плакала рядом с тобой, и мои мозги не думали ни о чем, кроме твоей смерти и что после нее я останусь один.

Я делаю короткий вдох, но выдохнуть не могу, потому что глотку схватил новый спазм слез.

— Я думал только о твоей смерти, — Михаил наклоняется ко мне, опершись о подлокотники моего кресла, — и о том, что я не смогу без тебя. И меня ничего больше не волновало. Даже наши дети. И не думал я, что надо искать чокнутого хирурга, у которого самого с мозгами не все в порядке, ясно? И в любви к тебе я не изучал научные статьи о таких операциях, потому что я мог только жопу подмывать тебе с мыслями о том, что это единственное, чем я могу тебе помочь.

— Хватит...

— Моя любовь не о надежде, — хмыкает, — какой каламбур, да?

— Обхохочешься, — шепчу я.

— А вот теперь ответь мне, — он наклоняется ко мне еще

ближе, — на вопрос с большим подвохом. Что лучше? Любимая женщина, но мертвая, или все же живая?

— Живая, — честно отвечаю я и с ресниц срывает слеза.

— Живая, Миша. И если бы... — мой голос вздрагивает, — если бы ты начал пить, то...

— То я бы быстро спился, — вновь скалится в улыбке. — Я знаю, ведь быпил я от большой любви и большой трагедии. О, и как бы все вокруг вздыхали и жалели меня. И даже бы восхищались, да? Бедный и очень несчастный Миша, так любил свою жену, что не пережил ее смерти.

Закрываю глаза, не в силах спорить с Михаилом, потому что он прав. Мои похороны, его смертельная тоска восхищали бы многих той самой отчаянной любовью, от которой мужское сердце рвется на куски, а мозги тонут в черном отчаянии.

— А теперь, — Михаил заходит за спину и толкает кресло к двери, — тебе пора баиньки. Завтра у тебя опять сложный день, и послезавтра, и после-после завтра.

Глава 29. Тебе надо научиться радоваться

— Мне сказали, что ты сегодня была молчаливой, — Римма ставит мне на колени поднос с кружкой-непроливайкой, в которую она налила травяной чай. — Молчаливой и решительной.

Да, кроме кучи витаминов, восстанавливающих капельниц, мне еще и чаечки специальные рекомендовали пить. Из травок, которые мягко стимулируют работу мозга и снижают тревожность.

— Ага, сделала на два шага больше на беговой дорожке, — слабыми руками подхватываю кружку-непроливайку, глядя перед собой, — и все та аплодировали, будто я лом завязала в узел.

— Тебе надо научиться радоваться своим достижениям.

— Я радуюсь, — зло присасываюсь к кружке.

Только чему радоваться? Будущему разводу и тому, что мои дети, которые пошли упрямством в отца, в наказании для нас сбегут в частную школу?

А они сбегут.

Либо в школу, либо к бабушкам и дедушкам, либо найдут свое спасение от детского горя на улице и в плохой компании.

Костя точно устроит нам сладкую жизнь, если мы с Мишей попытаемся его взять под строгий родительский контроль и запреты.

— Сейчас пообедаем, — воркует Римма, — вздремнем и дальше у нас по расписанию пытки током, — смеется, — чего только сейчас не придумали.

Семенит мимо, но до нас долетает трель домофона. Тихая и очень тревожная. Я лично никого не ждала. Дети — в школе, у Михаила два варианта — либо занят делами бизнеса, либо с Алиночкой веселится. Ему же, вероятно, нескольких часов ночью было мало. Он же у меня мужчина темпераментный.

— Сиди, я открою, — Римма опять несмешно шутит и торопливо выходит из гостиной.

Риммы что-то долго нет, и я кричу:

— Тебя там похитили, что ли?

— Сказали, что какие-то документы принесли! Вот жду, когда дойдет от калитки до двери! Девушка какая-то! Вот и не страшно девчонкам курьерами работать, а? Привезет что-нибудь к какому-нибудь маньяку, и все! Отчищают бедувую голову! Не понимаю и не одобряю! Вот поэтому и надо учиться хорошо, чтобы не быть девочкой на побегушках!

Только не девочка-курьер к нам заявила, а Алина собственной персоной. Я аж обомлела, когда она с милой улыбочкой просочилась в гостиную с папкой в руках.

— Я твои снимки привезла, — останавливается посреди

гостиной под моим офигевшим взглядом.

— Разве не Миша занимается всеми этими бумажками?
— сдавленно отвечаю я, сдерживая в себе возмущенные крики.

— Да, он утром заезжал, — Мила кивает, — но... ты же понимаешь, бывает так, что все торопятся... и короче, не все он забрал.

Конечно, я все понимаю. Нашла повод, чтобы приехать в мой дом под благовидным предлогом.

— А у меня обед, — продолжает улыбаться. — И я в как раз в вашу сторону ехала. Тут через пару кварталов живет еще один наш пациент, с которым мы сдружились. У него день рождения, и я ему небольшой презент везу. Он от лечения отказался, — вздыхает, — закрылся и никуда не выходит. Хотела провести...

— Остановись, — смотрю на хитрую Лису, которая заболтает и самого черта, — а перезвонить моему мужу...

— Несколько раз перезванивали, — Алина улыбается шире, — а вместо курьера уж вызвалась я. Я же все объяснила.

— А если бы никого дома не было?

Глупый вопрос, но Алина убивает меня наповал тихим и наивным ответом, в котором я слышу женское превосходство и насмешку:

— Тогда бы заехала в офис к Михаилу. У нас есть не только домашний адрес...

— Но это не совсем по пути, — меня начинает потряхи-

вать.

— Поэтому я заехала сначала по домашнему адресу, — хлопает ресницами и торопливо с наигранным смущением и неловкостью достает из папки листок, — надо только расписаться, — переводит на меня взгляд. Выдерживает паузу и ойкает, оглядываясь на настороженную Римму, — я ручку забыла. Не принесете ручку, пожалуйста. Сегодня день такой сумасшедший, а я все забываю, теряю.

Превосходная игра. Во-первых, она выпроваживает Римму на поиски ручки, а, во-вторых, Алина идет на злонамеренное унижение меня этой же самой ручкой, ведь разве я в состоянии сейчас ставить подпись?

Нет, не в состоянии, потому что в пальцах еще нет той силы и ловкости, которые позволяют человеку выписывать буквы.

— А где-то я откладывала Оксанкину ручку, — Римма лезет в ящик секретера, что стоит по левую сторону от дверей гостиной, — вот, нашла.

— Спасибо! — щебечет Алина и выхватывает из пальцев Риммы ручку с розовым помпоном на колпачке. — Какая милота, — переводит на меня взгляд, — ваша Оксаночка прям девочка-девочка. Я такой же была. Тоже люблю розовое и пушистое.

Алина забирает у меня кружку-непроливайку, кладет на поднос листок-уведомление о том, что я лично получила документы из клиники и протягивает ручку:

— А по телефону у нее такой серьезный голосок, — улыбается еще шире, — в этом она похожа на папу, да? И сыночек тоже копия папы, — начинает чуть ли не сюсюкать, — сначала ежики колючие, но главное - найти подход. Да ведь? — оглядывается на Римму. — Вас уже подружились?

Очень жаль, что у меня нет сил воткнуть ручку в ногу Алине. Вот же тварина хитрожопая. В речах о моих детях она поделилась со мной, что Михаил был для нее колючим ежиком, которого она приручила к своим ласковым рукам.

— Кстати, у вас очень красивый сад, — Алина перескакивает на другую тему, не дожидаясь ответа от Риммы, которая обалдевает вместе со мной от незваной гостьи, — дом замечательный, — в его голосе проскальзывает восхищение, — для большой дружной семьи.

Глава 30. Хитрая Лиса и Колючий Ёжик

Смотрю в зеленые глаза Алины и понимаю, что передо мной стоит реально наглая, беспринципная и хитрая ведьма, которая мастерски владеет магией манипуляций, женского лукавства и природного очарования. Она такой родилась. Милая, обворожительная девочка, которая, вероятно, была любимицей у каждого прохожего, потому что наивно хлопала глазками, смущенно улыбалась и даже плакала, точно я вам говорю, очень трогательно.

Обычной женщине не переиграть эту очаровашку. Да и есть ли смысл?

— Подпишешь? — Алина заботливо смахивает с моего лба локон, а после отступает и в ожидании смотрит на меня.

Кто бы мог подумать, что обычная подпись однажды станет для меня символом моей победы или поражения перед наглой любовницей мужа.

И вот, я хочу сжать ручку настолько сильно, насколько я могу это сделать, а затем гордо поставить подпись, но потом я резко осознаю, что это наглая провокация.

Я не смогу поставить подпись.

Не смогу.

Нет, на это у меня сил, и я обязательно ручку выроню из

дрожащих пальцев, а потом меня опять накроет злостью, отчаянием и жалостью к себе.

Я расплачусь, раскричусь и порадую своей слабостью Алину, которая только этого и ждет. Это будет еще одной каплей к черной депрессии, которая уже начала меня уже засасывать.

— Римма, подпиши, — протягиваю ручку моей “няньке”, которая, восторженно, торопливо шагает ко мне, — так и напиши от имени Фроловой Надежды Павловны подтверждаю, что документы приняла. И подпись.

Я отказываюсь играть с хитрой лисой, отвечать на ее провокации, на истериках пытаться доказать всем и вся, что я способна на подвиги.

Я признаю, что я слабая и что я сижу в инвалидном кресле.

Я признаю, что мои руки меня не слушаются и что два дополнительных шага на беговой дорожке — это победа.

Я признаю, что сейчас я не смогу выжить без посторонней помощи и круглосуточной заботы.

Я признаю, что не могу самостоятельно сесть на унитаз, а потом с него встать.

Не могу.

И, наконец, я признаю, что я давно перестала быть женщиной. Я была болью, страхом, отчаяньем, трагедией и бессонными ночами.

И я трезво и с холодной циничностью признаю, что я вы-

живу без любви Миши, а вот без его денег, без его вовлеченности в поиск специалистов, контроля — нет.

Да, можно сколько угодно, рассуждать о его ответственности передо мной, как перед женой, как перед человеком, и что истинная любовь не сдается и разгорается ярче при невзгодах, но это все красивая лирика, а жизнь она жестокая. Не любовью Миша платил клинике, врачам и хирургу.

Грубо, но правда.

У любви очень эфемерная ценность. О ней любят петь, говорить, стихи писать, слезы лить, но у жизни выигрывают те, кто может отключить свои эмоции.

Вот и я со своими признаниями, наконец, осознаю правду Миши. С любовью к нему я сойду с ума и не встану на ноги, потому что эта любовь делает слишком больно.

Римма подхватывает листок с подноса и возвращается к секретеру, чтобы затем открыть откидную столешницу.

— От имени Фроловой... — старательно выводит буквы ручкой и смешно высовывает кончик языка.

Лишь с холодным сердцем можно принять свою слабость и то, что у меня есть все возможности встать на ноги и жить.

Какой мне нужен был муж в смертельной болезни? Любящий, страдающий и зацикленный на том, что потеряет меня, или тот, кто излечится от страха одиночества и без тоски кинет вызов смерти, потому что она его больше не пугает и потому что больше любовь не высасывает из него силы?

Я выбираю жизнь, а не сердце Михаила. Нет, не хочу быть

любимым мертвым ангелом, на могиле которого мрачно хлещут дорогое пойло и пустым взглядом смотрят перед собой.

А это был вполне реальный сценарий для моего мужа.

— Подписала, — Римма шагает к Алине.

Я замечаю, что она едва заметно хмурится, а в глазах проскальзывает тень настороженности.

— Спасибо, что заехала, — говорю я. — Извини, но попрошу уйти. Мне надо пообедать, и меня опять ждут приключения. Сегодня начинается курс электростимуляции мышц.

— Да, конечно... — Алина аж теряется от моего равнодушного голоса.

Я принимаю, что для моего выживания и здоровья любовь Миши не нужна. Вот совсем, и я будто протрезвела. Освободилась. Как и освободился однажды Михаил, и теперь реабилитация не будет для меня пыткой.

— Римма, проводи Алину, — тянусь к кружке непроливашке с остатками чая. — Нам скоро выезжать. Не люблю опаздывать.

Без стыда присасываюсь к кружке. Мне Больше нестыдно за свои трясущиеся руки. Мне нестрашно, потому что я не останусь на улице и за мою реабилитацию будет заплачено. Мне не больно, потому что я приняла истину Михаила. Поняла ее.

— Передавайте Мише привет, — Алина идет на новую провокацию, но она меня не царапает.

— Хорошо, — киваю, — хотя почему бы тебе не заехать в офис к Михаилу? Придумай опять какой-нибудь предлог для колючего ежика, — хмыкаю, — Лиса и Ежик. Очень метафорично.

Глава 31. Там нечего обсуждать

Михаил заходит в гостиную, в которой я в полумраке слушаю перед сном аудио-книгу о какой-то несчастной сиротке, которая перенеслась в другой мир, когда тонула и оказалась среди злых суровых пиратов.

Глупая и наивная история о любви между невинной красавицей и очень злым капитаном пиратов. Он ее страшит, всячески соблазняет, а она рыдает и краснеет от стыда, потому что капитан этот вечно без рубашки шляется по кораблю.

Я любила такие книги, потому что сама вместе с героинями смущалась, волновалась и, затаив дыхание, ждала страстных поцелуев.

Сейчас ничего шевелится в груди, и мышцы капитана пиратов совсем не смущают.

Михаил хмурится, а после неторопливо шагает к креслу, в которое напряженно садится. Мне лень вынимать наушники. Я дальше слушаю о том, как мрачный капитан пиратов домогается героини.

После Алины прошло несколько тихих дней без каких-либо скандалов и моих слез. Я знаю, что Римма доложила Михаилу о том, что у нас была гостя и передала мои старые снимки, которые он якобы забыл. Сама я не стала поднимать этот вопрос.

Мне все равно.

Я сейчас пытаюсь понять, как мне после развода убедить моих детей, что своим побегом в частную школу они никому ничего не докажут. Сейчас я с ними стараюсь быть спокойной, ласковой, но не заискивающей.

Я чувствую их напряжение, тревогу и ожидание наших с Мишей скандалов, но не знаю, как их излечить. Оксанка наигранно весела, а Костик — молчалив и мрачен. Выжидает, когда мы с Михаилом заговорим о разводе, чтобы поставить свой подростковый ультиматум, что он сваливает от нас.

Может, мне стоит его отпустить. Он уже не малыш, и должен понимать, что мамы и папы могут разводиться, встречать других и строить с этими другими людьми новые семьи.

Да, больно, обидно и досадно, но такова жизнь, и не я виновата в несправедливости, которая перемалывает сердца и души в кровавый фарш.

Станет мужчиной, то поймет нас с Михаилом. Либо не поймет, и в его душе останется дикая обида на нас, но что я поделаю?

Я для его отца — обуза, а он теперь — кошелек, грубо говоря.

Наверное, мы скоро поднимем разговор о разводе.

Почему я его испугалась? Потому что побоялась потерять детей? Потому что они останутся с Мишей, а я пока не могу о них заботиться?

Потому что не хотела просто так отдать Мишу Алине?

Все это сейчас мне кажется глупостью. Останутся дети с Мишей? Он — их отец, и в его ответственной заботе я не сомневаюсь, а я должна встать на ноги.

А что насчет Миши для Алины... Да пусть будут счастливы. Михаил заслуживает того, чтобы он любил и чтобы его любили. Он заслуживает того, чтобы больше не прятаться с любимой женщиной.

Он хороший человек со своими слабостями, и пусть уже выдохнет, а вместе с ним освобожусь и я.

Закрываю глаза. За своими мыслями я упустила из внимания почти целую главу книги, но Миша пришел поговорить. Он тянет ко мне руку и касается моего предплечья. Я не вздрагиваю, и со вздохом снимаю наушники.

— Чего ты хотел?

— Спросить, как ты?

Со вздохом разворачиваюсь к нему и отчитываюсь о своем дне. Меня опять пробивали током, гоняли по беговой дорожке, массировали все тело до синяков, а после ставили новые капельницы.

— Все по расписанию, — подытоживаю я. — И, как обычно, я - большая молодец. Очень старательная.

— Понял, — Михаил кивает, вглядываясь в мои глаза. Молчит несколько секунд и говорит, — а ты подуспокоилась. Это радует.

— Наверное, успокаивающие травки помогают, — с тихим сарказмом отвечаю я.

Миша приподнимает бровь. Сейчас я вижу в нем не мужа, а... не знаю... уставшего родственника, которому не помешало бы хорошенько выспаться.

— Ты хорошо спишь? — неожиданно спрашиваю я.

Михаил вскидывает бровь еще выше. Он тоже удивлен моему родственному беспокойству. Я спрашиваю его, не как жена или женщина, а как, может быть, сестра.

— Все нормально, — немного озадаченно отвечает он, — а ты? Как спишь?

— Тоже нормально.

Замолкаем, садимся прямо и молча смотрим перед собой. Каждый из нас уходит в свои мысли.

Наверное, это очень грустно, что два человека, которые любили друг друга до дрожи в пальцах и слез в глазах, сейчас просто сидят и не знают, о чем поговорить, но так уж случилось.

Это жизнь, и мы не одни такие особенные.

— Я думаю... — прячу наушники в футляр и с тихим щелчком закрываю крышку, — мы готовы к разводу.

Михаил переводит на меня подозрительный взгляд.

— Мне необязательно входить в зал суда на шпильках, — слабо улыбаюсь. — Это глупое ребячество, Миш, и я не хочу тебя впечатлять тем, какая я красивая. Мне больше не надо, чтобы ты локти кусал.

Михаил молчит около минуты и кивает. Другой реакции я и не ожидала. Это и логично. Наш брак для нас больше не

приносит радости, а делает больно. В том числе, и Михаилу, пусть я и видела все эти дни в нем только мерзавца и негодяя.

— Я, — он вздыхает и напряженно откидывается на спинку кресла, — думаю, что это будет правильно.

— Но я не уверена, что мы сами справимся, — в груди все мертво и не дергается даже при мысли о детях, — нас должны направить. Нам нужно побеседовать с психологом, — переводу взгляд на Михаила, — чтобы не ам сказали, как все преподнести детям, а не для того, чтобы обсуждать наши отношения.

— С ними как раз-таки все понятно, — невесело хмыкает, встает и шагает к дверям, — там уже нечего обсуждать.

Глава 32. Принцесса

— Почему Елена Митрофановна не предупредила, что будет замена? — спрашиваю я, неуклюже закутываясь в халат слабыми руками. — Я ждала именно ее.

Аркадий самодовольно хмыкает:

— А ты что неудовлетворена моими руками?

После двусмысленн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.